Литературная газета

Основана в 1830 году
при участии А. С. Пушкина
Издание возобновлено
в 1929 году при поддержке
М. Горького

№ 5
(6629)
31 января – 6 февраля 2018
www.lgz.ru
Выходит по средам

ЧИТАЙТЕ

❸ Идеология подвига

Георгий Великанов, алтарник храма Всемилостивого Спаса, погиб, спасая бездомного. Почему же многие СМИ обошли вниманием это событие?

❻ • ❼ Чёрный вечер. Белый снег...

Писатель Пётр Ткаченко размышляет о «толках и кривотолках» вокруг поэмы Александра Блока «Двенадцать», написанной 100 лет назад.

❿❷ • ❶❸ Чудо русской песни

Многолетний руководитель Санкт-Петербургской академической капеллы Владислав Чернушенко: «Музыка блокады звучит во мне до сих пор».

❶❼ Город сорока сороков

Когда-то в столице было по храму на каждые полторы тысячи христиан, сейчас стоит задача возвести хотя бы один на 25–30 тысяч. О том, как она выполняется, рассказывает куратор программы по возведению в Москве новых православных храмов Владимир Ресин.

❷❷ • ❷❸ Когда зуб неймёт

Продолжаем публикацию глав из новой книги нашего обозревателя Алисы Даншох «История болезни, или Дневник здоровья».

ТЕМА НОМЕРА

Сталинград как образ

К 75-летию главной битвы Великой Отечественной

EVGENIY SAFRONOV.RU

Во времена, когда почти все наши святыни по многу раз были осквернены и распроданы, Сталинград оставался неприступным. Это слово по-прежнему звучит на многих языках и не нуждается в переводе. В XX веке стало очевидно: мало выигрывать битвы и войны, нужно ещё и так рассказать об этом, чтобы не забылось. Рассказать в книгах, песнях, фильмах, в камне и бетоне – чтобы возвышалась над освобождённой Европой русская женщина с мечом. Если бы не сдюжили наши Гомеры и Оссианы, Праксители и Гендели – не выстоять Сталинграду в войне за умы. Но в нашей стране в XX веке выпускались не только лучшие в мире танки, но и книги. Да и художники с кинематографистами не отставали. Осмысление подвига невозможно отделить от его сути, от его хроники, от фронтовых корреспонденций и зарисовок.

На героев Сталинграда в 1943 году не пролился золотой дождь орденов. За следующие победные операции награждали щедрее, с победным размахом. Даже сталинградские генералы – Ерёменко, Чуйков, Родимцев – получили свои золотые звёзды за другие сражения. Да и традиция салютов установится позже, через несколько месяцев после сталинградской победы – после освобождения Орла и Белгорода 5 августа того же года.

И всё-таки ни у кого не было сомнений, что именно на Волге, среди руин Сталинграда, состоялось главное сражение войны. Самая жестокая, решающая проверка на прочность, в которой «сила силе доказала: сила силе не ровня».

Окончание на стр. 3, 4, 5, 16

ПОДИУМ

Движение в народ?

Объявление лучших в теле- и кинофестивале «Золотой орёл» – теперь без сериалов и телевизионных фильмов нашу (и, конечно, мировую) киноиндустрию представить невозможно – показывает не только то, как киноакадемики относятся друг к другу, но и выявляет пути, по которым предстоит двигаться российскому кинематографу.

Не будем придираться к шероховатостям, собственно, церемонии, а рассмотрим по порядку итоги: кто из номинированных признан лучшим и обсудим выбор киноакадемиков.

В главной номинации «Лучший игровой фильм» победил **«Салют-7»** (режиссёр Клим Шипенко), он опередил (и, по-моему, справедливо) фильм тоже про космос – «Время первых» Дмитрия Киселёва, в котором таких ляпов, как отбивание кувалдой в условиях невесомости вредной железяки на обшивке станции и курения внутри её, не было. Но в «Салюте-7» было что-то гораздо более важное (мощь и правда характеров, напряжённость действия, потрясающие «космические» съёмки...), что заставляло прощать всё и смотреть фильм, не отрываясь, до конца, что и определило его успех в прокате. Такой успех, какого у других номинантов («Большой» Валерия Тодоровского, «Аритмия» Бориса Хлебникова, «Нелюбовь» Андрея Звягинцева) и близко не было.

Окончание на стр. 14

КНИГА НЕДЕЛИ

А.А. Блок – Л.Д. Менделеева-Блок. Переписка 1901–1917 гг.

Редкол. А.В. Лавров (научн.ред.), Е.В. Глухова, Е.В. Бронникова, В.А. Резвый

М. ИМЛИ РАН

2017 720 с.

Этот семисотстраничный труд – настоящее событие в российском литературоведении. Впервые опубликована полная переписка Александра Блока с Любовью Менделеевой – женщиной, чью роль в жизни поэта трудно переоценить.

Письма представляют собой не только ценнейший источник биографических сведений, но и содержат блестящие характеристики культурного круга и оценки событий литературной жизни начала XX столетия. Кроме того, как отмечает в предисловии к книге исследователь Д.М. Магомедова, переписка становится «ключом к феномену жизнетворчества, без понимания которого невозможно понять ни драмы личных судеб, ни специфику эпохи рубежа XIX–XX вв.». Все письма расположены в хронологическом порядке и снабжены комментариями.

В книгу вошли также записки Блока и его рисунки, в том числе шаржи на жену и самого себя. И вообще переписка сопровождается замечательным иллюстративным рядом – редкими фотографиями, открытками и автографами.

Издание этого труда стало возможным благодаря плодотворному сотрудничеству Института мировой литературы и Российского государственного архива литературы и искусства.

ОЧЕВИДЕЦ

Татьяна Воеводина, предприниматель, публицист

Министерство по делам одиночества

Премьер-министр Великобритании объявила о назначении министра по вопросам одиночества. По данным британского отделения Красного Креста, в стране около 9 млн. человек регулярно жалуются на него...

Нынче заведено решать любые проблемы имитативно-бюрократически – ничего не меняя и даже всерьёз не обсуждая. Минимальный формат решения – совещание, дальше – назначение комиссии. А тут, видите, замахнулись на целое министерство! И то сказать, кто-то получит не зависящую ни от каких результатов службу с приличным окладом.

Поможет ли министерство одиноким? Думаю, что нет. Хотя само внимание к этому – дело неплохое.

Проблема одиночества коренится в строе современной жизни – в капитализме, как сказал бы советский агитпроп. И это совершенно верно. И мы можем оценить правоту агитпропа теперь, когда капитализм пришёл и в наши палестины. При капитализме человек человеку... нет, не обязательно волк, скорее – клиент. И интересен в той мере, в которой способен принести прибыль – сиюминутную или ожидаемую. «Из свиней добывают сало, а из людей – деньги» – в старинной шотландской поговорке отражено рыночное отношение человека к человеку. Прибыль бывает и нематериальная, например, имиджевая. Но если её вовсе нет – на что тебе этот убогий социальщик? Дружить надо с ценными и перспективными, а убогие, бывшие... ну пошлёшь денежку с телефона на какого-нибудь бедолагу, порадуешься, что беда не с тобой – ну и хватит. В ходу американская мудрость: лузерство токсично, сторонись лузеров, а то заразишься.

В традиционном обществе люди были прочно встроены в первичные коллективы, главнейшим из которых всегда была – семья. В советской жизни (по многим параметрам – общинной) был т.н. трудовой коллектив, к которому человек принадлежал десятилетиями и который его поддерживал даже на пенсии.

Сегодня человек – пыль, гонимая ветром. Работа у большинства короткая и случайная, живёт он в бетонной клеточке, сторонясь соседей. Выросших детей человек не понимает, а их не тянет в «бабушатник», как именуют старые квартиры с «совковым» дизайном. Когда-то жизнь, где никто к тебе не лезет, не могут пропесочить на парткоме и всем плевать на бурчание соседей и бабушек у подъезда, казалась прогрессивной новью. Теперь и мы столкнулись с её холодом и пустотой.

Можно ли что-то сделать для страдальцев от одиночества? Прежде всего, о том, чем помочь нельзя. Добавочными деньгами. Одиночество испытывает обычно тот, кто, не обременён поиском куска хлеба. Борьба за выживание поглощает всё умственное пространство человека, тут не до одиночества. Добавление денег может даже усугубить его.

Не помогают и мероприятия, вроде экскурсий, походов в музеи, читательских конференций и прочих «активностей», как принято выражаться на английский лад. Всё это прекрасно, но те, кто способен наполнить этим жизнь, и так не страдают от одиночества. А кто страдает – туда не ходит.

Самый естественный коллектив, куда включён человек, – семья. Нынче не принято жить с дедушками-бабушками – и напрасно. Это походя решает проблемы продлёнки, проверки уроков у внуков и т.п. Молодые родители могут спокойно работать, а старики иметь обязанности, которые, собственно, только и держат человека на плаву, давая жизни смысл. Сегодня такой образ жизни представляется архаичным и негодным. Альтернатива – одиночество.

Говорят, роботизация сделает многих людей и вовсе не нужными. Так что, готовьтесь, господа. Если ничего не сможем поменять по существу.

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ИНИЦИАТИВА

Знакомьтесь: „Универсум“

Чтобы стать успешным, надо быть культурным

Недавно в центре Москвы в уютном кафе заметил за соседним столиком обычную парочку. Вскоре понял, что юные парень и девушка общаются друг с другом не словесно, а уткнувшись в смартфоны, словно немые. Хотя это оказалось не так. И тут я по-настоящему испугался!

Перед нами разворачивается новая реальность, которую мы ещё не осознаём в полной мере как большую угрозу, хотя она уже обладает вполне сложившимися признаками.

Ясно, что между моим поколением и совсем молодыми есть разрыв. Вещь естественная для всех времён. Но ныне он получает некую новую качественную составляющую. Юные «марсиане» не любят и не умеют читать книг, не хотят и часто не умеют внятно высказывать свои мысли, не ориентируются в историческом процессе. Наверное, прав был Дж. Оруэлл в своём романе «1984», когда предсказывал, что лет через 70 люди не смогут понимать, о чём говорили их деды, и будут думать в разы меньше.

Можно ли этому что-то противопоставить? Как? Силой заставить молодых читать Толстого? Хоть бери и начинай новую культурную революцию!..

Обсудив нарастающую угрозу с коллегами, решили для начала создать просветительское общество «Универсум» для укрепления знаний молодёжи именно в сфере философии, истории, литературы. Но легко сказать «укрепить»! А как? На этом этапе предлагаем вузам заинтересовать молодёжь следующим образом: проводить конкурсы среди абитуриентов по знанию истории и литературы, победители которых получат дополнительные баллы к ЕГЭ.

Главными помощниками и соратниками мы видим вузы. В разговорах с ректорами я убедился, что они остро осознают проблему. Уже договорились, что среди победителей университетских конкурсов и отборов станем проводить всероссийские соревнования-чемпионаты, что «Универсум» будет организовывать просветительские мероприятия в театрах, киностудиях, музеях.

Готовы выслушать любые здравые предложения, чтобы найти ответ на вызовы «электронной экспансии», а Пушкин, Толстой, Гоголь, Достоевский, Шолохов, Соловьёв, Ключевский, Ильин могли и дальше попадать в руки нашим «марсианам» и поддерживать их всю жизнь. Думаю, именно общественность, а не чиновники, способна дать необходимый импульс Министерству образования и науки, Министерству культуры, которые словно закостенели перед новыми вызовами времени. Может быть, в состав общества войдут губернаторы, депутаты различных уровней, не говоря уже о школьных учителях.

Вот кто среди учредителей «Универсума»: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Северокавказский федеральный университет, Российская государственная библиотека, киноконцерн «Мосфильм», «Литературная газета» («Российская газета» и «Известия» – информационные партнёры), музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», мемориальный природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», государственный музей-заповедник «Куликово поле», Национальный Лермонтовский центр в Середникове, издательства «Русское слово», «Молодая гвардия», «ВЕЧЕ», Гильдия книжников, Институт экономических стратегий РАН, Русский биографический институт, Фонд поддержки научно-исследовательской деятельности исторического факультета МГУ, а в личном качестве Владимир Ильич Толстой, советник по культуре Президента РФ. И список этот открытый.

Я предвижу создание в университетах учебных курсов, которые читают маститые писатели, как в американских университетах. Может, подобным образом наши многочисленные писательские союзы обретут новое дыхание и выйдут из перманентных организационных кризисов?

Итак, хочешь быть успешным, будь культурным. И «Универсум» нам может быть тут в помощь.

Святослав Рыбас, писатель

Приглашаем авторов и читателей «ЛГ» принять участие в дискуссии, предложить своё видение проблемы: как мотивировать молодых людей к чтению? Какова судьба книги, литературного текста в условиях тотальной компьютеризации?

ФОТОГЛАС

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ

«Вл. Высоцкий – 80 лет спустя и другие...». Так назвал выставку своих работ известный фотограф Валерий Плотников. Открытие состоялось в день рождения Владимира Семёновича в выставочном пространстве Основной и Новой сцен Московского драматического театра им. М.Н. Ермоловой. Составлена экспозиция более чем из 250 портретов разных лет не только Высоцкого, но и других деятелей искусств. Многие из них пришли на вернисаж. На нашем снимке Валерий Плотников на фоне знаменитых фотографий.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 1971 1979

Председатель редакционного совета **ЮРИЙ ПОЛЯКОВ**
Главный редактор **Максим Замшев**
Заместители главного редактора: **Леонид Колпаков, Анастасия Ермакова**
Ответственный секретарь **Сергей Колпакчи**
Адрес редакции: 121069, Москва, ул. Б. Никитская, д. 50а/5, стр. 1

Отделы: **Политика и экономика** politec@lgz.ru **Общество** т. 8-499-788-02-05, mazurova@lgz.ru **Искусство** klv2004@bk.ru **Литература и библиография** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru **Клуб 12 стульев** satira@lgz.ru **ТелевЕдение** televed@mail.ru **Литературная ярмарка** т. 8-499-788-02-09, kons@lgz.ru **Эл. почта** litgazeta@lgz.ru

Перепечатка и цитирование только с разрешения редакции. Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-70388 от 13.06.2017 г.

Председатель совета АНО **Андрей Тимохин**
Генеральный директор **Алексей Шавлов**

Тираж **113 800** экз. Отпечатано в типографии ООО «ВМГ-Принт», 127247, Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Номер подписан к печати 30 января 2018 г. Зак. № 181

Подписные индексы:
50067, 34189, 99703, 99168 (для физических лиц);
99468 (для предприятий и организаций)

Подписка и распространение т. 8-499-788-01-12

АКТУАЛЬНО

Идеология подвига

Георгий Великанов погиб, спасая другого человека

Алтарник храма Всемилостивого Спаса в Митине увидел, как в подмосковном Красногорске бездомный упал с платформы на рельсы. Великанов прыгнул за ним, спас, но сам погиб – его сбил скоростной поезд. Великанову было 35 лет.

Не раздумывая, прыгнуть и спасти человека. Бездомного. Отдать жизнь за другого – высшая христианская добродетель. В поступке Великанова отражается сакральность человеческой жизни, её высшие смыслы. Потому что сакральность появляется там, где есть жертва. И жертва во спасение другого приближает человека к святости.

Не восхищаться поступком Великанова, казалось бы, нельзя. Однако, удивительно, нашлись те, кто пробормотал: «Глупая смерть». А другие добавили: «И, правда, за что он отдал свою жизнь? Да ещё и ради бездомного? Глупец! Ведь каждый ответственен только за свою жизнь».

Изумляет количество размышляющих так людей. Возмущает то, как они объясняют «глупость» поступка. Тут мне вспоминается роман Жозе Сарамаго «Слепота». Жители безымянного города массово слепнут. Власть вводит карантин, чтобы остановить распространение болезни. Роман Сарамаго, конечно, не о физической, а о нравственной слепоте. Той, в которую погружаемся все мы, утратившие способность не только видеть горе, боль человека рядом, но и того, кто пытается излечить эту боль. Легенда о великом инквизиторе, не иначе. И эти же слепые люди ужасаются тому, что происходит в стране. Но если слепы вы, то почему должны быть зрячи другие?

Меж тем в поступке Великанова есть особый смысл ещё и потому, что совершён он в тёмное время, когда расчеловечивающие новости рвались из клетки одна за другой. Сначала массовая резня в школах, спланированная, беспощадная, после безумие студента МГТУ им. Баумана, убившего и изнасиловавшего труп девушки, оставившего письмо, в котором ужасает даже не описание преступления, а абсолютное равнодушие к жертве и жалостливое, плаксивое отношение к себе.

И вот – по чёрному потоку ударил луч света. Бессмысленно понимать божественное человеческим, писал Монтень, но мне видится, что поступок Великанова – это своего рода Божье послание: «Люди, смотрите: есть не только малолетки-убийцы и некрофилы-студенты – есть и такие, настоящие, герои, способные отдать жизнь свою за другого». Очень важный посыл.

Но ещё важнее понять и представить его должным образом. Ведь мало совершить подвиг – необходимо запечатлеть его. Когда в Ясной Поляне Лев Толстой читал детям «Севастопольские рассказы», они настолько проникались ими, что хотели отвоевать Малахов курган. И, раз уж я вспомнил Севастополь, что есть знаменитая панорама Франца Рубо как ни воплощение, предание подвига потомству в пример?

Мы давно говорим о том, что может сделать сильной страну. Называем это скрепами или национальной идеей – неважно, но так или иначе упираемся в идеологию. Так вот, я уверен, что в основе России, русского общества должен лежать подвиг. Это очень русское слово, не переводимое без потери полноты смыслов ни на один язык мира. Подвиг, готовность к нему – основа русского мировоззрения.

Кто-то пытается объяснить Победу в Великой Отечественной войне мудростью Сталина, кто-то тем, что завалили врага мясом, но мы выиграли ту великую битву прежде всего благодаря подвигу людей – личному и коллективному. Благодаря Ивану Кулиничу, взорвавшему себя вместе с тысячей фрицев на Константиновской батарее. Благодаря Андрею Корзуну, накрывшему полыхавшие боеприпасы. Благодаря Александру Матросову, Николаю Гастелло, Леониду Голикову и тысячам других.

Логически, как это пытаются сделать сейчас, их поступки объяснить невозможно. Они знали, что шли на смерть, но в конечном итоге смерть эта давала новую жизнь. И, казалось бы, безнадёжный поступок вдруг разворачивал ход истории, сдвигал её тектонические плиты. Человек бросал вызов року и одолевал его.

Расчеловечивание же несёт в себе очень опасную идеологию. Не только ту, что каждый ответствен лишь за себя (это фундаментальное противоречие с основами русской мысли, где каждый ответствен за всех), но и тот посыл, что от человека ничего не зависит в принципе: нет смысла бороться, поступать согласно высшим законам. Так личность превращают в раба, думающего, что его существование бессмысленно, и единственное, что нужно, – это урвать как можно больше.

Инстинкт человечности заставил Георгия пожертвовать собой

Но каждый день наши люди совершают подвиги, малые или великие. Когда во Владимирской области 73-летний пенсионер Наиль Яхин построил за свои деньги своими трудами дорогу между сёлами, обеспечив путь к общественному транспорту, он совершил маленький подвиг. Совершила его и в Ленинградской области медсестра Наталия Кунафеева, спасшая женщину из упавшего в ледяную реку автомобиля, пока остальные дозванивались в МЧС. Таких людей – тысячи. Они живут рядом с нами и не называют себя с телеэкранов «людьми года», а творят то, что Толстой называл будничностью подвига.

Однако чтобы подвиг сеял зёрна в других, важно исследовать его природу. Ведь подвиг – не сиюминутная вспышка; он совершается лишь тогда, когда человек готов к нему. Однако кто будет исследовать социальные сети Великанова? Кто станет рыться в деталях его биографии? Лучше покопаться в фотографиях девушки, убитой студентом-некрофилом, чтобы представить её виновной.

Исследовав же природу подвига, важно заявить её как можно большему числу людей, чтобы воспитать уже в них способность к подвигу. Но, опять же, можно ли надеяться на это сегодня? Да, часть федеральных СМИ вышли с сообщением о поступке Великанова, но другая часть промолчала. И на телеканалах предпочли снимать привычные передачи о Шурыгиной, Бузовой и о фейковом украинском политологе Ковтуне. Это и есть то самое расчеловечивание, что воспитывает в людях отвращение и страх, который, как писал Камю, есть лучший метод управления.

Однако во все времена Россия спасалась во многом благодаря личному подвигу. Многие из них увековечены, переданы как предание. Так что мешает делать это сегодня? Что препятствует несению подвига в массы? Нежелание или глупость? Но тогда не стоит удивляться, почему мы имеем то, что имеем. Ведь только живой пример способен вдохновить остальных, сплотить их, дать им надежду.

Идеология подвига – то, что необходимо взрастить сегодня. Будничных героев надо знать, говорить о них. Не казённые патриоты и блудливые суперстары – лица России, а Великанов и Нурбагандов. И, глядя на них, на их поступки, жить уже не так чтобы страшно.

Платон Беседин

ЗЛОБА ДНЯ

„Кремлёвский доклад“ – это о чём?

Министерство финансов Соединённых Штатов обнародовало новый санкционный список в рамках реализации закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций», принятого летом 2017 года.

О том, что в него войдут видные российские чиновники и бизнесмены, было известно загодя – «утечки» породили слухи и тревожные комментарии экспертов. Однако реальный список из 210 фамилий, что называется, превзошёл все ожидания. Неслучайно, оценивая новость по горячим следам, сенатор Константин Косачёв назвал его «телефонным справочником Кремля». Удивились не только в России, но и в США: бывший американский посол Майкл Макфол заявил, например, что не может понять логику «кремлёвского доклада». И действительно в него вошли скопом и бизнесмены с репутацией «пострадавших от кровавого режима», и те крупные предприниматели, кого считают лояльными к власти. С чиновниками та же история – представители «либерального» и «патриотического» флангов соседствуют в списке, перечисляющем опасных для США персон.

Внешняя непроизвольность, тотальность документа стала важной его приметой. Трудно понять методологию создания списка и по другой причине – выяснилось, что в «кремлёвском докладе» существуют ещё и секретные разделы, а значит, там может быть упомянут вообще кто угодно. Например, Родченков и Навальный – почему бы и нет, постмодернистская природа современной политической культуры Америки способна проявить себя самым причудливым образом. Так что попытки проанализировать документ «от обратного», прикидывая, кто туда не вошёл, тоже не приведут к пониманию.

Суть этой акции американских властей видится в том, что обнародованный список, как это ни странно, не является санкционным. Упомянутые в «кремлёвском докладе» персоны никак не ограничиваются в правах. Пока. Это просто сигнал элитам, что нужно определяться. Жить «на два дома» больше не получится, придётся выбирать между женой и любовницей.

Что касается народа, то жизнь «в осаждённой крепости» для него привычное состояние, да и после списков отстранённых от Олимпиады российских спортсменов, ему настроение уже ничем не испортишь.

Эдуард Скипин

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

Сталинград как образ

Главная битва Великой Отечественной в советском искусстве

Кадры из фильма Фридриха Эрмлера «Великий перелом», 1945 г.

Какой народ непобедим?

На торжественном заседании накануне 7 ноября 1943 года Сталин говорил о Сталинграде как о переломной битве великого противостояния: «Советский народ и Красная Армия ясно видят трудности предстоящей борьбы. Но теперь уже ясно, что день нашей победы приближается. Война вступила в ту стадию, когда дело идёт о полном изгнании оккупантов с Советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка в Европе». Недалеко время, когда мы завершим очищение от врага Украины и Белоруссии, Ленинградской и Калининской областей, освободим от немецких захватчиков народы Крыма, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии и Карело-Финской республики».

Понимали роковой смысл Сталинграда и в Германии. Геббельс пытался превратить тревогу в новый приступ фанатизма: «...Сталинград был и остаётся великим сигналом тревоги, который подаёт судьба немецкому народу! Народ, у которого есть силы пережить и преодолеть такое несчастье, и при этом ещё почерпнуть из этого дополнительные силы, непобедим».

Геббельс не потерял гипнотическую власть над умами и после Сталинграда. Для многих немцев это звучало убедительно: «Удары и несчастья войны только придадут нам дополнительные силы, твёрдую решимость, а также духовную и боевую волю для преодоления всех трудностей и преград с революционным натиском. Сейчас не время спрашивать, как всё это произошло. Это может подождать до тех пор, пока немецкий народ и весь мир не узнает полную правду о несчастье последних недель, о его глубокой и судьбоносной значимости. Героические жертвы наших солдат в Сталинграде имели глубокое историческое значение для всего Восточного фронта. Они не были напрасными, и будущее покажет почему».

Но будущее Геббельсу не подчинялось. Непобедимым оказался другой народ. А читать министра пропаганды Третьего рейха нужно. И уроки извлекать.

Вот и сегодня мы живём в мире придуманных, сконструированных подвигов, в котором всё превращается в шоу. А шоу – не что иное, как отлаженный способ делать деньги и манипулировать общественным мнением. Во многих странах историческую память подменили блокбастерами. Но Россия ещё держится. У нас даже легенды тесно переплетены с реальностью. И память о Сталинграде для нас по-прежнему священна. Как образец отваги и терпения. Когда мы перечитываем «Горячий снег», или «В окопах Сталинграда», или фронтовые очерки Василия Гроссмана – они снова оживают, и стыдно становится от того, как мало мы у них унаследовали... Они не о приумножении капиталов думали... Жизнь и смерть, честь и Родина – от этих понятий в Сталинграде отлетела абстрактная расплывчатость.

«Перед глазами встанет Сталинград...»

Первую книгу о Сталинграде написал Константин Симонов. И это неудивительно. Вот уж кто всю войну работал, не расставаясь с «блокнотом, а то и с пулемётом». Стихи о Сталинграде он набрасывал в первые дни битвы:

– Не плачь! Покуда мимо нас
Они идут из Сталинграда,
Идут, не подымая глаз, –
От этих глаз не жди пощады.

В этом наброске – не только картина отступления, эвакуации, но и ужас от мысли о том, как далеко вторгся в наши пределы враг. Симонов не скрывал: по дороге в Сталинград он дрогнул: туда в августе-сентябре 1942-го провожали как на гибель. Но на передовой рефлексии рассеялись: «Душевное спокойствие мы вновь обрели только на следующий день, в одном из батальонов, оборонявших северную окраину Сталинграда. Там все помыслы и душевные силы людей были направлены на одну, казалось бы, маленькую, но на самом деле великую задачу – отстоять от немцев лежащую за северной окраиной Сталинграда деревеньку Рынок».

Именно знакомство с защитниками города помогло Симонову найти свою тему в художественной прозе. Он увидел в этих простых характерах толстовский масштаб и ещё что-то – необъяснимое. Сталинградские очерки Симонова стали появляться в «Красной звезде» в сентябре 1942-го. Самый первый назывался «Бой на окраине», а второй – «Дни и ночи». Это название Симонов прибережёт и для своего первого романа, который выйдет в свет в 1943-м. Его героев он нашёл в бригаде полковника Сергея Фёдоровича Горохова, на подступах к реке Малая Мечётка, под Сталинградом. Писал он торопливо, урывками, а книга получилась основательная и точная: «Когда через много лет мы начнём вспоминать и наши уста произнесут слово «война», то перед глазами встанет Сталинград, вспышки ракет и зарево пожарищ, в ушах снова возникнет тяжёлый бесконечный грохот бомбёжки. Мы почуем удушливый запах гари, услышим сухое громыхание перегоревшего кровельного железа».

Фильм «Дни о ночи» сняли оперативно, в 1944 году. За ним последовали новые киноленты о великой битве – основательные, масштабные. В «Великом переломе» (1945) – единственный раз в истории советского кино – все генералы действуют под вымышленными именами, город, который они защищают, тоже не назван, и даже Сталин присутствует только в виде фотографии в кабинете командующего. Но нет сомнений, что речь идёт о сталинградском противостоянии, хотя командующий (эту роль сыграл Михаил Державин) – несомненно, собирательный образ. Режиссёр Фридрих Эрмлер умел строить повествование на борьбе умов – напряжение ощущается и через 70 лет. «Сталинградская битва» (1949) – картина другого рода. С эпическим и геополитическим размахом. Актёр Алексей Дикий наделил Сталина кутузовским говорком – без грузинского акцента. Такая трактовка вождю понравилась: актёр не искал сходства, не пародировал, он играл народное представление о Сталине. В линии киноромана кремлёвские совещания чередовались с батальными сценами, которым вполне соответствовала музыка Арама Хачатуряна, в том числе эффектные вариации на тему старинной песни «Есть на Волге утёс».

Фильм «Горячий снег» был снят по мотивам романа Юрия Бондарева

Но, кроме симфонической мощи, необходимы и простые мотивы – и наши художники смотрели на Сталинград не только из окон кремлёвского кабинета. В те же годы появилась и получила признание повесть «В окопах Сталинграда». Издана в 1946 году, Сталинскую премию получила в 1947-м. Главным редактором «Знамени» был тогда Всеволод Вишневский – мастер и ценитель «большого стиля», предпочитавший яркую патетику. А окопный сталинградец, архитектор и сапёр Виктор Некрасов не любил повышенные тона и не умел писать помпезно. Он завоевал Вишневского, а потом – и многих читателей простотой и достоверностью, которую назовут «окопной правдой». В повести не было ответов на все стратегические и тактические вопросы фронта – и за это Некрасова критиковали маршалы. Но литература и не обязана быть полководческой и скрупулёзно взвешенной, как юбилейная статья о великом событии.

О Вишневском Некрасов вспоминал так: «Напористый, увлекающийся, в редакторской деятельности более чем смелый. Мной он «увлёкся», и здесь его прямота и смелость, небоязнь «инстанций» очень мне помогли – «Сталинград» вышел в том виде, как мы хотели». Автор «Оптимистической трагедии» умел «открывать» писателей.

В учебниках написано – вполне справедливо – что Некрасов стал основоположником «лейтенантской прозы», что он показал индивидуальность на войне, в том числе – интеллигента. Но эти призовые высоты в наше время решающего значения не имеют. Куда важнее, что в этой повести, кажется, нет ни одного лишнего слова, ни одного фальшивого звука. Такая лёгкость и внятность свойственна высокой прозе, которой

во все времена – в обрез. Фильм «по мотивам» некрасовской повести вышел в 1956 году, после XX съезда. Город ещё назывался Сталинградом, но чиновники уже не решались допускать имя вождя на афишу. Фильм вышел под осторожным названием «Солдаты».

Из поэтов, писавших о великой битве, главные слова произнёс, пожалуй, Семён Гудзенко. В его «Сталинградской тетради» особенно известным стало стихотворение «Надпись на камне», написанное в 1943-м на руинах Сталинграда:

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.
Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты –
неразлучны они
даже с мёртвым солдатом.

Всё это появилось, когда фронтовые раны ещё не затянулись – через считаные годы после войны. Но и через десятилетия военная тема оставалась главной – в первую очередь для писателей-фронтовиков.

Юрий Бондарев для своего романа о Сталинграде нашёл поэтический образ – горячий снег. В этом словосочетании – и бессмысленность войны, и её возвышенная героика. Никогда не забудется этот «горячий снег».

Декабрь 1942 года, приволжская степь. Литература переплетается с биографией автора: ведь именно там сержант Бондарев принял свой первый бой, получил первое ранение… «Под Сталинградом закончилась моя юность. На войне мы прошли через все круги ада и были уверены, что видели в жизни всё, что ничто нас уже не сможет удивить». Действие романа продолжается всего лишь двое суток. Но это именно роман – многоплановый, показывающий войну и через эмоции, и с аналитическим осмыслением. Невозможно было не поверить молодому лейтенанту Дроздовскому, весельчаку Нечаеву и другим артиллеристам, стоявшим насмерть на последнем рубеже. Многие из них, подобно самому Бондареву, оказались под Сталинградом сразу после училища. Испытанные в боях против танковых дивизий Манштейна, они стали поколением Победы.

Выстояв, мы победили смерть

Место высадки 13-й Гвардейской стрелковой дивизии отмечено на карте современного Волгограда как «Стена Родимцева» – в честь генерал-майора Александра Родимцева, командовавшего героической дивизией. Эта причальная стена на волжской набережной построена в конце XIX века. Переправа 13-й дивизии в центр Сталинграда сквозь стену вражеского огня в сентябре 1942 года – небывалый, незабываемый подвиг. Ещё до окончания войны на причальной стене появилась памятная надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева». Позже её дополнили: «Выстояв, мы победили смерть».

Художник Константин Финогенов в годы войны был одним из лучших фронтовых живописцев. Его зарисовки из действующей армии, с передовой появлялись и в «Окнах ТАСС», и в «Правде». Их ждали, по ним во всём мире судили о сражениях Великой Отечественной. В дни Сталинградской битвы Финогенов создал серию рисунков, на которых – улицы, перерытые траншеями, бойцы и санитары… Художник побывал на многих фронтах, но Сталинград в его душе занимал особое место: Константин Финогенов родился в Царицыне, окончил Сталинградскую художественную школу…

Картина «Стена Родимцева» выполнена в суровых, тёмных тонах. Однако над городом – в правом верхнем углу картины – забрезжил рассвет: Сталинград выстоял. Его отстояли.

Художник выразил простую, хотя и ёмкую метафору: главная стена, непреодолимая для врага, – это мужество защитников Сталинграда. Мы видим причал после боя. Быть может, прошло немало времени, но на берегу Волги – горы убитых. Женщина-военврач стоит на пепелище. Она смотрит на волны со скорбью, тревогой и гордостью. Живые остались несломленными, однако какой дорогой ценой оплачена победа… Финогенов, видевший сражение своими глазами, через десять лет после Победы сложил реквием по своим павшим товарищам.

Самому грандиозному сражению Великой Отечественной соответствует по масштабу работа коллектива художников-баталистов – крупнейшая в мире живописная панорама. Её площадь – 2000 квадратных метров! Основную часть панорамы мастера из Студии военных художников имени Митрофана Грекова создавали в специальном деревянном павильоне, который установили на Мамаевом кургане в Сталинграде в 1958 году. Эту высоту баталисты выбрали для «точки обзора» битвы. К ним приходили фронтовики, делились воспоминаниями. Им приносили фотографии и кинохронику. Художников консультировали прославленные сталинградские полководцы – Василий Чуйков, Андрей Ерёменко… А идея создания такой панорамы возникла ещё в разгар Великой Отечественной. И не только идея. Разборную панораму «Героическая оборона Сталинграда» художники из Студии Грекова начали в 1944 году. В первую очередь они изобразили январские бои 1943-го за Мамаев курган. Некоторое время их работа выставлялась в сталинградском кинотеатре «Победа». А в 1958 году грековцы другого поколения (Николай Бут, Пётр Жигимонт, Марат Самсонов и другие) взялись за уникальную работу – приступили к созданию неоглядной панорамы, которую мы можем видеть в современном Волгограде.

«Стена Родимцева», художник Константин Финогенов

«Победители», художник Марат Самсонов

Кульминация панорамного полотна – встреча двух армий Донского фронта, 21-й и 62-й. Январь 1943-го, победное завершение долгого противостояния, операция «Кольцо». Художники применили приём совмещения во времени и пространстве. На фоне военных действий 26 января 1943 года мы видим ключевые события и подвиги всей многомесячной Сталинградской битвы – связиста Матвея Путилова, зажавшего в зубах концы оборванного провода, младшего сержанта Николая Сердюкова, закрывшего амбразуру вражеского дзота, лётчика Виктора Рогальского, совершившего воздушно-наземный таран, медсестры Анны Бессчастновой, вынесшей с поля боя сотни раненых, охваченного пламенем красноармейца Михаила Паникаху, бросившегося под немецкий танк. Главное впечатление, которое остаётся после посещения панорамы, – вот она, стихия Победы. Как звёздное небо, как океан, вместивший трагедию и радость, несущий смерть и дающий жизнь.

Душой этой артельной работы был народный художник России Марат Самсонов – фронтовик, офицер, участник Парада Победы. Долгие годы именно он возглавлял Студию военных художников имени Грекова. Война для художника-баталиста – это не только сражения, не только патетика побед. Потомственный военный, Самсонов досконально знал, чем жил солдат в годы сражений, как сумел выдержать нечеловеческие испытания. А главное, он знал, что такое Сталинград.

Самое зримое художественное приношение великой битве – мемориальный ансамбль «Героям Сталинграда». Создавал его фронтовик, коммунист Евгений Вучетич – скульптор, космический масштаб дарования которого с каждым десятилетием становится яснее. Он превратил Мамаев курган в огромный памятник ратной славы Сталинграда. Создал в камне и бетоне реквием павшим и гимн победителям, поклонился матерям, вспомнил боевых товарищей… Возле этих монументов возникает ощущение: действительно никто не забыт и ничто не забыто. Скульптора называли советским Микеланджело, но нередко ему доставалось от критиков – за «гигантизм», за державный размах, за избыток пафоса. Но время доказало правоту Вучетича: такой подвиг невозможно воспеть вполголоса, нужен такой памятник, чтобы из космоса было видно. Мать-Родина – лучшая исполинская скульптура всех времён и народов. Дело вовсе не в рекордах: сталинградская Родина в своё время была самой высокой статуей на Земле, потом появились бетонные фигуры повыше. Но колоссальные скульптуры, изображающие Будду и Христа, впечатляют только величиной. Они невыразительны, их не наделили ни характером, ни грацией. А у Вучетича гигантская Родина стремится в бой и ведёт за собой героев. Мы видим её в движении, в динамике. Этот памятник достоин Сталинграда, достоин великой общности, для которой есть единственное точное наименование – народ-победитель.

Возвращение подвига

Отзвуки сталинградской победы слышались повсюду, куда могло проникнуть радио. В тридцати городах мира есть улицы Сталинградской битвы. Вспомнят ли они о битве сегодня, в юбилейные дни? Какие слова найдут для красноармейцев? В дни битвы Пабло Неруда из чилийского далёка взывал:

Второго фронта нет!..
Но, Сталинград,
Ты устоишь, хотя бы
день и ночь
Тебя огнём пытали
и железом!
Да! Смерть сама бессильна
пред тобой!
Они бессмертны,
сыновья твои…

Давно мы не слыхали таких голосов. Вряд ли в советское время мог появиться такой фильм, как «Враг у ворот» Жан-Жака Анно (2001). В кои-то веки иностранные господа сняли кино про Сталинградскую битву – и такая вампука. Наши генералы у Анно – сплошь держиморды, в качестве государственного управленца выступает истеричный Хрущёв. Дикари защищают свою суровую державу – такой ракурс облюбовали наши бывшие союзники в XXI веке. А в 1943-м «Таймс» писала о красном бойце: «Жажда знаний у него не утоляется опытом: в бой многие ходят с учебниками в карманах. У него чрезвычайно развит вкус… За душу берёт, когда сидишь рядом с отпущенными в увольнение бойцами Красной армии, которые в Московском театре балета смотрят сказочно красивое «Лебединое озеро» Чайковского». Чувствуете разницу?

В старые времена холодную войну вели журналисты и политологи, генералы и шпионы, но художники, как правило, не допускали «баррикадной» логики по отношению к Советскому Союзу. Да и «общественное мнение» не принимало прямолинейного антисоветизма. А в 2001 году по большому счёту за Россию уже некому было заступиться ни среди «левых», ни среди «правых». В этом, конечно, увесистая доля нашей собственной вины. В 1990-е мы так увлеклись самобичеванием, что стали «зоной отторжения» и растеряли союзников. Это повлияло и на интерпретации прошлого. Нужно заново учиться рассказывать о подвигах – только не в стиле рекламного клипа, это слишком легковесная манера. Нам остаётся верить, что подвиг сталинградцев снова оживёт на страницах книг, на холстах и киноплёнках. Возвышается над Мамаевым курганом мать-Родина, грудью защищает её каменный солдат. Без них пусто было бы в России.

Арсений Замостьянов,
зам. главного редактора журнала «Историк»

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

„В согласии со стихией...“

Поэме „Двенадцать“ – сто лет

Неизбежные кривотолки

Поэмой Александра Блока «Двенадцать», написанной в январе 1918 года, начинается русская литература советского периода истории. Произведение было опубликовано 3 марта в петроградской газете «Знамя труда», между там же опубликованными статьёй «Интеллигенция и революция» и стихотворением «Скифы». Поэма создана в краткий период мощного творческого подъёма и всплеска, вызванного революционным потрясением. По словам самого поэта, «в ту исключительную и всегда короткую пору, когда проносящийся революционный циклон производит бурю во всех морях», во всех областях жизни, и прежде всего – в человеческих душах.

СЕРГЕЙ ЮТКЕВИЧ

Иллюстрация к поэме А. Блока «Двенадцать»

Почти два с половиной года спустя, вспоминая этот мучительный период, А. Блок отметил в «Записке о «Двенадцати» 1 апреля 1920 года: «В январе 1918 года я последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно написано в согласии со стихией; например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг – шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике». И, словно предвидя, какие кривотолки будут идти вокруг его поэмы, добавил: «Посмотрим, что сделает с этим время».

Уже в 1949 году, в Париже, Георгий Иванов писал о том, что вокруг Блока ещё долго будут идти противоречивые толки. Если теперь не идут, то лишь потому, что в России он забыт как «несозвучный эпохе», а в среде эмиграции – «в силу всё возрастающей усталости и равнодушия ко всему, кроме грустно доживаемой жизни». И прозорливо утверждал: «Но когда-нибудь споры о личности Блока вспыхнут с новой силой. Это неизбежно, если Россия останется Россией и русские люди останутся русскими людьми».

А толки и кривотолки вокруг «Двенадцати» начались сразу же после её опубликования. И вызваны они были прежде всего смятённостью душ и расстроенностью сознания. Ведь это было время, когда, по словам Андрея Белого, «появись «Нагорная проповедь» в 1918 году, то и она рассматривалась бы с точки зрения «большевизма» или «антибольшевизма». Люди ведь, как правило, требуют от поэта служения тому, чему они служат сами, – зримому, внешнему миру. А дело поэта неизменно, оно незримо и крылато.

Но толки вызваны были и самим характером поэмы, тем, что она, как и всякое великое творение, не позволяла рассматривать себя с точки зрения хулы или хвалы действительности. Как, впрочем, и с точки зрения принятия или непринятия революции...

Большевистская власть отнеслась к «Двенадцати» настороженно потому, что, как она считала, Блок ставил старые символы у врат новой действительности. Для тех, кто боролся с большевиками, Блок «кощунствовал», ибо именем Христа освящал революцию, разбойников: «На спину надо б бубновый туз!» И те и другие были по-своему правы в силу своего политического разумения. И те и другие не прозревали того, что было постигнуто и изображено поэтом.

Уже через шесть дней после публикации поэмы, которую жена поэта Любовь Дмитриевна Менделеева читала на поэтических вечерах, А. Блок 9 марта заносит в записную книжку: «О.Д. Каменева (комиссар Театрального отдела) сказала Любе: стихи Александра Александровича («Двенадцать») – очень талантливые, почти гениальное изображение действительности, Анатолий Васильевич (Луначарский) будет о них писать, но читать их не надо (вслух), потому что в них восхваляется то, чего мы, старые социалисты, больше всего боимся. Марксисты умные, – может быть, и правы. Но где же опять художник и его бесприютное дело?»

Между тем как изначально поэт почувствовал в большевиках большую энергию, чем в их противниках. В письме к Л.Д. Менделеевой 28 мая 1917 года, задолго до революционного переворота, он сообщал: «Есть своя страшная правда и в том, что теперь носит название большевизма». «Страшная», видимо, потому, что это неизбежно влекло за собой радикальное переустройство жизни, которое благостным и безболезненным не бывает. А в ходе работы над поэмой 18 января 1918 года записывает в дневнике: «Вот что я ещё понял: эту рабочую сторону большевизма». И чуть позже, 31 января: «Октябрьский переворот всё-таки лучше февральского (немного пахнет самодержавием)».

10 марта А. Блок размышляет в дневнике в связи с реакцией властей на поэму «Двенадцать»: «Марксисты – самые умные критики и большевики правы, опасаясь «Двенадцати». Но... трагедия художника остаётся трагедией. Кроме того: если бы в России существовало действительно духовенство, а не только сословие нравственно тупых людей духовного звания, оно давно бы «учло» то обстоятельство, что «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспаривать эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нём. У нас, вместо того, они «отлучают от церкви», и эта буря в стакане воды мутит и без того мутное (чудовищно мутное) сознание крупной и мелкой буржуазии и интеллигенции. «Красная гвардия» – «вода» на мельницу христианской церкви (как и сектантство и прочее, усердно гонимое). Как богатое еврейство было водой на мельницу самодержавия, чего ни один «монарх» вовремя не расчухал. В этом – ужас (если бы это поняли). В этом – слабость и красной гвардии: дети в железном веке; сиротливая деревянная церковь среди пьяной и похабной ярмарки. Разве я «восхвалял»? (Каменева). Я только констатировал факт: если вглядеться в столбы метели на этом пути, то увидишь «Исуса Христа»...»

Были и расхожие суждения о поэме бульварной прессы. 14 марта А. Блок отмечает в записной книжке как «Угрюмый день». И вклеивает вырезку из газеты «Петроградское эхо»: «За последнее время Блок написал целый ряд стихов в большевистском духе, напоминающих солдатские песни в провинциальных гарнизонах...».

Но помимо всех этих толков была и реакция «общественного мнения», «бюрократии общественной». Эта реакция, как и всегда, у нас со времён А. Пушкина и М. Лермонтова была самой не безобидной... После статьи «Интеллигенция и революция» 22 января: «Не подают руки. Кадеты и Мережковские злятся на меня страшно. Статья «искренняя, но нельзя простить». Господа, вы никогда не знали России и никогда её не любили! Правда глаза колет». В неотправленном же письме З. Гиппиус он писал, что «нас разделил не только 1917 год, но даже 1905-й». «16 февраля. Г-н Пришвин хает меня в «Воле страны», как не хаял самый лютый враг». («Большевик из балаганчика»). Правда, потом, многие годы спустя, М. Пришвин, раскаиваясь, сам удивлялся тому, как он мог не разглядеть того, что так глубоко и ясно было постигнуто А. Блоком... 13 апреля поэт отмечает в записной книжке: «А З.Н. Гиппиус меня и за человека не считает».

13 мая на вечере «Арзамаса» в Тенишевском училище, где Любовь Дмитриевна читала «Двенадцать», отказались участвовать Пяст, Ахматова, Сологуб. Именно потому, что читалась поэма. А ранее, 17 марта Андрей Белый пишет А. Блоку остерегающее и тревожное письмо: «Читаю с трепетом Тебя. «Скифы» (стихи) – огромны и эпохальны, как «Куликово поле». ... По-моему, Ты слишком неосторожно берёшь иные ноты. Помни – Тебе не «простят» «никогда»... Кое-чему из Твоих фельетонов в «Знамени Труда» и не сочувствую, но поражаюсь отвагой и мужеством Твоим. Помни: Ты всем нам нужен в... ещё более трудном будущем нашем... Будь мудр: соединяй с отвагой и осторожность». И ведь не простили-таки (см. «Пред ликом родины суровой я закачаюсь на кресте». О тайне смерти Александра Блока. В кн. «До разгрома и после него». – М.: У Никитских ворот, 2016).

Примечательно, что А. Белый видит опасность, грозящую поэту не за поэму «Двенадцать», не за «кощунство», а за стихотворение «Скифы». Ведь в этом стихотворении А. Блок постигает совершенно новое положение России в мире, то, что он определил как «Азия – Европа». Среди почитателей и друзей поэта ходило мнение, что «Двенадцать» соответствует «Медному всаднику», а «Скифы» – «Клеветникам России». И это действительно так.

Евангельская основа

Но обратимся собственно к поэме «Двенадцать». Само название поэмы, то, что красногвардейцы идут за Христом, их имена – всё однозначно говорит о том, что поэма имеет евангельскую основу. В высшей мере примечательно, что не до написания поэмы, а уже потом, когда она была создана, у поэта появляются «страшные» мысли. 18 февраля он отмечает в записной книжке: «Что Христос идёт перед ними – несомненно. Дело не в том, «достойны» ли они его, а страшно то, что опять Он с ними, и Другого пока нет; а надо Другого? – Я как-то измучен...». 20 февраля заносит в дневник: «Страшная мысль этих дней: не в том дело, что красногвардейцы «не достойны» Иисуса, который идёт с ними сейчас, а в том, что именно Он идёт с ними, а надо, чтобы шёл другой».

Эти думы о Другом, безусловно, являются неким распространённым в обществе богоискательским влиянием и поветрием, которое всегда есть первый шаг к атеизму. Но поэт после страшных и мучительных мыслей оставляет Христа с народом. С таким народом, каков он есть, – истерзанным революцией, изверившимся и «кощунствующим»...

Но разве поэт и персонажи его поэмы кощунствуют? Если и кощунствуют, то както странно. Здесь нет богоборчества, так как с первых строк признаётся Божье устройство мира: «Ветер, ветер – на всём Божьем свете!» И тема поэмы – не столько революционное шествие красногвардейцев «державным шагом», а – брань духовная, так как враг незрим: «Их винтовочки стальные / На незримого врага». Так неучтиво – о священнике: «Что нынче не весёлый, / Товарищ поп?» И одёргивание Петьки, чтобы он «не завирался»: «От чего тебя упас/ Золотой иконостас?» Но это ведь вовсе не о вере, не против веры, а скорее о земной Церкви. Бог не бывает поругаем, а с земной Церковью бывает всякое…

Вот она – драма русской жизни: «Мировой пожар в крови – Господи, благослови!» На мировой пожар, на революцию, атеистическую по самой своей природе, на право пальнуть пулей в «Святую Русь» испрашивается благословение… у Господа. Это кажется недопустимым, невозможным и немыслимым. Но в таком случае это – не «кощунство», а нечто совсем иное, разумом непостижимое. Какая-то иная вера… Как это просить благословения у Господа на такое? Это возможно лишь при условии, что человек остаётся с Богом. Неверующие, атеисты, нехристи к Богу не обращаются… Так трудно у нас в России оставаться верующим, православным. Нет спасу от указывающих «дорогу к храму»…

Россия гибнет? России больше нет? Да нет же: «А – ты всё та ж, моя страна / В красе заплаканной и древней». А если революция – не гибель тысячелетней России, а закономерная трагедия, выходящая из её предшествующей трагедии? Да, народ оказался с атеистической властью. Так доняла его синодальная церковь. Но разве не было у нас раскола и не было трёхсотлетнего гонения за правую веру с такой жестокостью, до какой не доходили атеистические большевики. Когда читаешь «Двенадцать статей» царевны Софьи, кровь стынет в жилах. Это вам не двенадцать красногвардейцев, «без имени святого», со «святой злобой». И будем всё же помнить о том, что патриаршество в России упразднено царём, а восстановлено генеральным секретарём правящей партии…

Об этом главным образом поэма Александра Блока «Двенадцать». Об этом свидетельствует её финал, где – «И за вьюгой невидим / И от пули невредим…/ В белом венчике из роз –/ Впереди – Исус Христос». Имя Спасителя дано в староверческом, старообрядческом написании – Исус, а не в позднейшем, синодальном, никоновском – Иисус… Как тут не согласиться с О. Мандельштамом, писавшим: «Не надивишься историческому чутью Блока. Ещё задолго до того, как он умолял слушать шум революции, Блок слушал подземную музыку русской истории…». Очевидно, что только для записных «патриотов», как прошлых, так и нынешних, А. Блок всё ещё остаётся «декадентом». И они сдали его наследие на растерзание никонианцам, ортодоксальным революционерам, а потом и либералам. Разумеется, в их идеологических целях. Сдали тем, для кого народ в своей «святой злобе» представляется «падшим»… И они снисходительно спускаются к народу, дабы его обличить и вновь «исправить». Но кто спускается к народу, по словам самого поэта, тот проваливается…

Если красногвардейцы идут за Христом, олицетворяющим старую, правую веру, это значит, что идеалом человеческой жизни для них остаётся тот уклад, до никоновской «реформы», точнее до погрома Православной церкви. А то, что было после «реформы», до раскольничего Собора 1666–1667 годов, подлежит революционному уничтожению. Значит, они в своём революционном порыве разрушают не христианский мир вообще, но «старый мир» – «с попом», «иконостасом», но без веры… Потому у них «злоба святая», какой она вроде бы и быть не может: «святая», то есть не беспричинная. Видимо, поэтому такой, казалось, верующий народ вдруг стал «атеистом». Не атеистом, а что называется, довели, допекли беспрестанными насилиями, такими, пред которыми меркнут насилия революционеров; с сожжением на кострах, как в западной инквизиции… Иначе объяснить появление в поэме имени Спасителя в старообрядческом его написании, пожалуй, невозможно.

Очень важно, что богоборческих мотивов в «Двенадцати» нет, при всём том, что герои поэмы «без имени святого». Есть антицерковные настроения, но это ведь не одно и то же, это ведь совсем не богоборчество и даже не атеизм: «товарищ поп», «иконостас» ни от чего не упасающий… Разумеется, без «посредничества» земной Церкви

Юрий Анненков

Лукавая Катерина – мадонна революции, уличная Незнакомка

человеку никак не уверовать. И те, кто сетует на то, что у этой Церкви много обрядов и догматов и мало истинной веры, а потому-де они, как Моисей, обращаются к Богу «напрямую», тем самым демонстрируют своё безверие и духовную несостоятельность. А вот почему в народе эти антицерковные настроения, ставшие водой на мельницу революционных разрушителей, оказались столь сильными на этот вопрос художник обязан ответить. И Александр Блок в своей поэме «Двенадцать» отвечает на него. Не декларативно, конечно, а иносказательно и образно. Если в стихотворении «Скифы» А. Блок представляет новое положение России в мире: «Азия и Европа», то в поэме «Двенадцать» он представляет новое положение и состояние человеческой личности в условиях разбушевавшейся стихии («чёрного ветра»), с которой и царям не совладать. Как существо духовное, человек не может быть без веры. Но если предстоит «переделать всё», значит, надо заменить и Его? Значит, надо выбрать и другого Бога? Нет, Другого символа веры, другого Спасителя быть не может, как не может быть служения иным богам, ибо это означает гибель личности: «Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились, и не стали служить иным богам» (Второзаконие, 11, 16). Другого не может быть. Значит, должна быть не другая, а истинная, правая вера. И поэт после страшных мыслей, несмотря ни на что, оставляет народ с Христом. Оставляет русского человека не только с его исконной верой, но – с правой верой…

Сам поэт колебался идти к Исаакию. В одном из писем 8 января 1921 года к Н.А. Коган признавался со «слепнущими от ужаса глазами»: «Поймите, хотя я говорю это, говорю с болью и отчаянием в душе; но пойти в церковь всё ещё не могу, хотя она зовёт». А в статье «Интеллигенция и революция» писал столь страстно, что от этого и до сих пор приходишь в смущение: «Почему дырявят древний собор? – Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой. Почему гадят в любезных сердцу барских усадьбах? Потому что там насиловали и пороли девок: не у того барина, так у соседа… Я не сомневаюсь ни в чьём личном благородстве, ни в чьей личной скорби; но ведь за прошлое отвечаем мы?.. … Дворец, разрушаемый – не дворец. Кремль, стираемый с лица земли – не кремль. Царь, сам свалившийся с престола – не царь. Кремли у нас в сердце, цари – в голове. Вечные формы, нам открывающиеся, отнимаются только вместе с сердцем и с головой».

Уроки времени

Может быть, из этого уже извлечён урок и не пристало нам вспоминать старое? Как бы не так. Канонизирован же Максим Грек, осуждённый двумя церковными Соборами за еретическую правку богослужебных книг. Канонизирован к 1000-летию Крещения Руси и без всякого объяснения православным. Ну называется же преподобный Иосиф Волоцкий российским, в духе либеральных газет, а не русским Чудотворцем… И «правка» в молитвы вносится, в которых «он уже не русская, а российская звезда (тропарь, глас 5). В этом может убедиться каждый по многочисленным изданиям Иосифо-Волоцкого монастыря.

В «Записке о «Двенадцати» А. Блок писал: «Посмотрим, что сделает с этим время». С поэмой «Двенадцать» сделалось то же, что и со всей русской литературой: по сути, изъятие её из общественного сознания и изгнание из образования, сбрасывание с «корабля современности» теперь уже иным, «рыночным» способом. Случилось не с поэмой, а с «временем». Опять – революция, как разрушение, но теперь уже криминальная и бескрылая. Без всяких не то что идеалов, но и каких-либо порывов.

Те, кто по своей порочности совершил это преступление разрушения страны, говорят, что социалистический «эксперимент» в России не удался, что мы семьдесят лет «падали». Но то, с какими остервенением и злобой, с каким обманом разрушался наш уклад жизни, стяжаемый такими трудами и жертвами, свидетельствует об обратном. Говорит о том, что потому он так нещадно и разрушался, что был неким новым шагом в человеческой цивилизации, что его следовало развивать и совершенствовать, а не отбрасывать и не ломать. Это подтверждается и тем, что разрушители взамен отброшенного ничего положительного предложить не смогли. Не смогли по самой своей упрощённой природе. И человека, сотворённого по Божьему образу и подобию, выделенного душой и разумом из природы, возвратили в стойло окаянства, в звериное состояние, к «печному горшку», к корыту (потребительству), когда «в человеке просыпается обезьяна» (И. Бунин).

И сколько теперь народных сил необходимо для преодоления этого срыва, зигзага истории, провала в нашем цивилизационном развитии… Этому всему укором незыблемо стоит поэма «Двенадцать». Новой поэмы о новой революции нашего времени не появилось. О той и об этой революции, о всех революциях и сто лет спустя продолжает говорить поэма Александра Блока «Двенадцать».

Пётр Ткаченко

Льготная подписка на 2018 год

Дорогие друзья! До **12 февраля** предлагаем оформить подписку **с марта по декабрь 2018 года** с доставкой на дом на сайте **www.lgz.ru** или **в редакции «Литературной газеты»** по адресу:
г. Москва, ул. Большая Никитская, дом 50-А/5, стр. 1
Телефон для справок 8 (499) 788-01-12.
Стоимость подписки на 1 месяц – **117 рублей**.

Ждём вас!

ОБЪЕКТИВ

По городам и весям

Евгений Лукин. Легенды старинных городов России

М. «Абрис»
2017
360 с.

Такое роскошное издание, форматом равное фолианту, вам не удастся прочесть за один присест. Да и не надо. Ведь оно рассчитано на неспешное чтение. Слишком, говоря современным языком, информативны и эмоционально насыщенны тексты. А призваны они пробудить интерес юного поколения к отечественной истории, богатой и бедами, и подвигами пращуров.

Именно подросткам, старшим школьникам адресован этот труд петербургского поэта, историка, переводчика Евгения Лукина. Много лет он по крупицам собирал материал для этого издания. Дадим слово самому автору: «При создании каждой легенды я использовал множество источников и материалов. Прежде всего это древние русские летописи. Они, как известно, являются первоисточниками для всех историков. Во-вторых, жития святых. В них также содержится множество легенд и преданий. Эти легенды я насыщал конкретными историческими фактами и событиями, которые содержатся в различных исследованиях. Стихи подбирал по принципу исландских саг. Саги всегда заканчиваются стихами скальда, которые являются неопровержимым и главным доказательством того, что ранее была изложена правда».

Вслед за автором мы проходим весь путь от начала земли русской до времён Петра I. И понимаем, что не зря нашу землю в те далёкие времена звали Гардарикой – страной городов. В книге их сорок: сорок городов – сорок легенд. Несомненно, обычный читатель, неспециалист сначала раскроет легенды того региона, где он живёт. Москвич начнёт с легенд своего Подмосковья в широком смысле этого слова, земляки автора, не нашедшие в книге Санкт-Петербург, обратятся к легендам и истории нынешней Ленинградской области…

Будет совершенно замечательно, если эта книга окажется книгой для семейного чтения, когда и взрослые, и дети рядом и заняты одним. Читают, а потом обсуждают прочитанное. И сколько нового, неожиданного откроет там для себя любой читатель – и юный, и взрослый. Из этой книги вы узнаете, что именно на поле Куликовом родилась великодержавная триада «За веру, царя и Отечество!», сначала бывшая боевым кличем… А многие ли знают, где обрёл свой покой жестокий Мамай, чьим именем пугали многие поколения детей на Руси, и чьё имя так и осталось в присловье «Будто Мамай прошёл»?

В каждой легенде – подвиг русского человека – ратный или духовный. А как от начала любой цивилизации воспевался подвиг? Песнями, былинами, стихами… Вот и автор этого уникального труда постарался украсить финал своего рассказа практически о каждой легенде соответствующими ей стихами. И здесь Евгению Лукину – отдельный поклон. Переход от текста прозаического к тексту поэтическому у него всегда органичен. И сопряжены эти два текста не только сюжетно, но и эмоционально, духовно.

Надо сказать, композиционно каждая глава-легенда выстроена необыкновенно удачно. Во-первых, в названии указаны все имена, которые когда-либо носил город. В качестве предисловия – краткая историческая справка о городе: где, когда и кем основан, когда и где впервые упомянут, его место и роль в истории Руси. В центре этого небольшого текста – изображение герба. Далее идёт сама легенда, художественно обработанная автором. А в целом перед нами встаёт история Руси на нескольких этапах – становления, собирания земель, борьбы с иноземцами, расширения Московского царства.

Написано всё это живым полнокровным современным языком, без всякой стилизации, но так, что давнее время и продолжает жить по-своему, и остаётся нашим.

И – отдельно – об иллюстративном ряде. Каждая страница тщательно и любовно выстроена, а в качестве иллюстраций даны и планы городов, и старинные гравюры, и предметы быта и культа, и скульптурные изображения, и памятники, и современные фотографии, и совершенно поразительное обилие исторической живописи. Многие читатели удивятся, увидев полотна знакомых с детства художников, ранее не виденные ни в музеях, ни в художественных альбомах.

Смущает только одно – цена книги. Для многих любителей отечественной истории она просто неподъёмна. Понятно, что издание подарочное, представительское, соответственно, и издано роскошно. Но не стоит ли переиздать в более скромном и доступном для широкого читателя виде? Чтобы книга добралась до каждой российской семьи, стала для юного читателя своей с самого детства. Ведь без знания своих корней, своей истории патриотизм останется всего лишь одним из туристических терминов.

Елена Елагина

Полная версия на сайте «ЛГ»

КНИЖНЫЙ РЯД

Мгновенна земная судьбина

Андрей Румянцев. От сосны до звезды

Стихотворения, венки сонетов, поэмы

Иркутск: Изд-во АС-Принт 2017

224 с. 1000 экз.

Новая книга стихов народного поэта Бурятии Андрея Румянцева «От сосны до звезды» вышла в его родном Иркутске в канун юбилея автора.

Творческий дар Андрея Румянцева не тускнеет с годами. Его книги регулярно выходят в Москве и в сибирских городах. А начался его путь в литературу с выхода в свет в далёких шестидесятых годах поэтической книги, имевшей задорное название «Здравствуй, жизнь!».

Сборник «От сосны до звезды» включает как новые стихи, написанные в последнее время (они составляют большую часть книги), так и лучшие из полюбившихся читателям. Особое внимание привлекает небольшая поэма «Земное диво» о сибирской ссылке протопопа Аввакума. Кстати, знаменитое «Житие» мятежного Аввакума Петрова было издано в Иркутске сорок лет назад и вызвало тогда огромный интерес. Образ этого несломленного гонениями и верного староотеческим духовным заветам человека и сегодня притягивает нас. В своей поэме о нём Андрей Румянцев показал великую душу русского человека на просторах бесприютного отечества – а кто нынче чувствует себя счастливым в нём?

Обращаясь к Аввакуму, он обнимает стихом весь русский народ, всю родину, и большую, и малую.

Не в Сибири ли ты, расстрига,
Увидал, почти как впервой,
Доброту, неподвластную игу, –
Силу русской души живой?

Кто тебе на ангарском стане,
В кровь избитому и в цепях,
От тирана Пашкова тайно
Сунул хлебушко второпях?

Кто,
В пути согревая душу,
На Хилке,
Как шли бечевой,
Звал тебя из воды на сушу
И в оплечник впрягался твой?

Ангел Божий?
Дух из преданья?
Это,
В муках сохранено,
Было Русское состраданье.
Божьей силе сродни оно!

Щемящее чувство любви к России, светлая печаль и неумирающая надежда – всё, что отличает нашу поэтическую классику, выражено и в новом сборнике Андрея Румянцева пронзительно и ярко. Он предстаёт в стихах путником, странником, ведомым то матерью (в дальние годы), то незримым колокольчиком, как в годы нынешние, – и всегда с ним рядом кто-то близкий, а часто – это наша страдающая природа.

Что же, пусть быстротечны минуты,
И часы, и года, и века,
И редки надо мною салюты,
И темны надо мной облака,

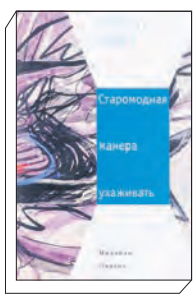
Пусть мгновенна земная судьбина,
Пусть погаснет, как искра, она, –
Остаются вот эта долина,
Это озеро, эта сосна.

Это в них, и любимых, и вечных,
Предназначенный подвиг верша,
У начала дорог бесконечных
Перельётся земная душа.

Всероссийский читатель, получивший в последние годы книги сибиряка об Александре Вампилове и Валентине Распутине (в популярной серии «ЖЗЛ»), на этот раз продолжит знакомство с чрезвычайно тонким и подлинно русским лириком.

Сергей Корбут

Уйти от времени?



Михайло Пантич. Старомодная манера ухаживать

Перевод с сербского Ларисы Савельевой, Василия Соколова, Елены Сагалович

Серия «Сербское слово»

М. Центр книги Рудомино 2017

288 с. 500 экз.

Книгу предваряет утверждение автора, что «главная отличительная черта современного сербского рассказа в том, что этот жанр сумел избавиться от навязываемых ему требований времени, оставаясь таким, каким и должен быть по своей сути: искусством мечты…» Утверждение, прямо противоположное обращению русского классика к художнику: «ты вечности заложник у времени в плену». Разумеется, у каждого писателя есть право следовать своим принципам…

В текстах Михайло Пантича и в самом деле трудно понять, когда и где происходит действие, лишь по сделанным вскользь замечаниям можно сообразить, что герои живут в Белграде, а не в Праге или Дрездене и что город подвергался бомбардировкам. Да и, конечно, много времени спустя после «сексуальной революции». В этой связи забавно читать мнение иностранного автора (его персонажа) о нашей стране: «В России мужики вообще не ухаживают за женщинами, им это не нужно. Россия – райское место для них, стоит им повернуться, и на них уже смотрят десятки русых, кровь с молоком семнадцатилетних славянок…» («Самая организованная в мире женщина»).

В нескольких рассказах повествование ведётся от лица женщины, что, как мы знаем, получается не у всех литераторов-мужчин, но Пантичу удаётся вполне. Например, просто удивительно, с каким искусством он передаёт тончайшие колебания женской психики в рассказе «Два корабля в ночи» или в рассказе «Ссора».

Да, тончайшие колебания, нюансы, мельчайшие детали и тому подобные определения чаще всего приходят в голову при чтении рассказов Михайло Пантича. Социальные сдвиги, исторические катаклизмы, трагедийные события – не его сфера. Соответственно, и персонажи писателя в основном люди, живущие комфортной жизнью европейского среднего класса. Вряд ли Михайло Пантич старается внушить читателям, что «Сербия – це Европа», скорее всего, это просто его мечта и так реализуется заявленный им принцип, что рассказ должен избавиться от навязываемых ему требований времени и стать искусством мечты.

Говорю это не в осуждение, а в порядке констатации. Есть немало писателей, и писателей хороших, которых можно ему уподобить. Писателей, творивших не только в мирной и сытой Швейцарии или в благополучной Канаде, но и в странах с нелёгкой судьбой – и в той же Югославии, и, конечно же, в России/СССР. Поэтому издание у нас известного сербского прозаика Пантича можно только приветствовать.

Юрий Баранов

СУБЪЕКТИВ

О личностях с криминальными наклонностями

Людмила Петрушевская. Странствия по поводу смерти

Сборник

М. Издательство «Э» 2017

320 с. 6000 экз.

Это новый сборник рассказов Людмилы Петрушевской. В нём девять историй, объединённых общей темой: все персонажи так или иначе сталкиваются с преступностью. Главным героям приходится убегать от бандитов, бороться с грабителями и выживать в криминальных условиях.

Зачастую противниками оказываются близкие или дальние родственники. Истории вырастают в основном из бытовых перипетий. Например, в рассказе «Конфеты с ликёром» девушка по имени Лёля выходит замуж за своего пациента Никиту, будучи ранее им изнасилованной. Через какое-то время он пытается убить жену и собственных детей, чтобы отобрать большой дачный дом и жить там со своей новой пассией. В «Мырке и её смехе» описываются отношения двух сестёр, одна из которых (собственно, сама Мырка) из жалости поселяет у себя знакомого, по той же причине выходит за него замуж и в конце концов полностью отдаёт ему квартиру.

«Квартирный вопрос» является почему-то ключевым в сборнике. Персонажи сначала тем или иным образом теряют своё жильё, а затем, претерпевая множество невзгод, подходят к счастливой развязке, а именно – неожиданно получают новый дом или квартиру. Ну, или на худой конец средства, на которые можно их приобрести.

В некоторых рассказах мотивы поступков героев ставят в тупик читателя. Так, в истории «Строгая бабушка» есть эпизод, где девочку Лену по возвращении домой сильно избивает собственная бабушка. Немного полежав, та направляется в ванную и начинает умываться и причёсываться, радуясь тому, что вернулась домой. Весьма странная реакция на происходящее... Но затем происходит нечто ещё более непонятное: бабушка просит Лену помочь скинуть с балкона труп матери девочки, которую, как ей кажется, она убила. А в случае отказа обещает и с ней быстро расправиться. Чем дальше читаешь, тем больше появляется вопросов...

Из общего списка выбивается повесть под названием «Как Пенелопа». Здесь вы не встретите вооружённых головорезов и оголтелых авантюристов. Это история о любви. Или вернее о её начале. Даже время действия романтичное: канун Нового года. Время перемен. Впрочем, и здесь не обошлось без странных личностей с криминальными наклонностями.

Одноимённый с названием сборника рассказ «Странствия по поводу смерти» отлично характеризует всю книгу в целом. Перед нами разворачивается закрученный сюжет, включающий в себя и проблему наследства, и ужасающую деятельность грозных преступников и, конечно, богатство для перенёсших страдания главных героев.

Жанр собранных в книге произведений заявлен как современный детектив с элементами триллера. Соответствует ли это действительности, вопрос спорный. Безусловно, читатель волнуется за героев и находится в ожидании развязки. Но, как правило, детектив предполагает некое расследование, в результате которого можно узнать, что на самом деле произошло и кто во всём виноват. Здесь же основную долю повествования занимают семейно-бытовые сцены, лишь несколько дополненные штрихами детективного жанра.

В целом же всем историям свойственно некое однообразие как характеристик персонажей, так и самих событий. Кроме того, книга перенасыщена сценами насилия, не всегда оправданными. После чего особенно странно выглядят благостные концовки.

Что ж, Людмила Петрушевская всегда была автором эксцентричным, чутким к проявлению тёмных сторон человеческой души.

Елена Добрынина

КНИЖНЫЙ РЯД

Дневник музы

Антонина Хлебникова-Искандер. Жизни ткань живая

Сборник стихов

М. Издательские технологии

2017 282 с.

Несколько лет назад вышел совместный поэтический сборник Фазиля и Антонины Искандер «Снег и виноград» – «юбилейная свадебная книга», изданная к 50-летию их семейного союза. Тогда стихи супруги известного писателя впервые увидели свет.

«Жизни ткань живая» – первая самостоятельная книга Антонины Хлебниковой-Искандер, в которую вошли почти все её стихотворения, начиная с написанных в ранней юности.

В аннотации сборник справедливо назван «поэтическим дневником». Это – очень точное определение. Юность, влюблённость в поэта – будущего супруга, замужество, первые ссоры и примирения, радости и горести семейной жизни, рождение детей, смерть родителей – все события нашли отражение в стихах Хлебниковой-Искандер. В диптихе «Начало», посвящённом мужу, поэтесса рассказывает о первой встрече и первом впечатлении, о том, как в Сухуми, на берегу моря зародилась их большая любовь, которую они пронесли через всю жизнь:

Тяжек бромом и йодом
прибой.
Олеандры так высоки!
А ещё всё гудит тобой:
Ты читаешь, читаешь стихи...

<...>
И никак тут не устоять,
Если двое – стихи и прибой.
И уже наших рук не разъять,
И не страшно в прибой
за тобой.

О своих чувствах к мужу Антонина Хлебникова-Искандер не привыкла говорить громко, во всеуслышание. Да это и не нужно: свою преданность она доказала всей своей жизнью, посвящённой созданию «поэзии Дома» для классика. Поэтому тема любви звучит в стихах деликатно, почти робко:

Где б найти мне бумаги
такой,
Тонкой и чуткой бумаги,
Чтоб трепетали строка
за строкой
Чувств моих белые флаги.

Чувства мои,
признающие плен
Вымысла, света и тени,
Так и стремятся
подняться с колен,
Чтобы упасть на колени.

Стихам поверяла Хлебникова-Искандер и своё отчаяние, и свою боль в последние годы, когда Фазиль Абдулович тяжело болел, а она неотступно была с ним рядом, видя, как день за днём слабеет её любимый человек. Но, несмотря на всю горечь этих стихотворений, на прорывающееся сквозь строки чувство безысходности и страха, в них звучит и робкая полунадежда-полумольба:

Недвижен, тих и седина
Давно венчает лоб.
Из моря вечности волна
Прибьётся – и взахлёб.

Уже не жить. Но как-то так,
В недвижности – живи.
Хоть рубль разменян
на пятак,
Звенит родник любви.

И над стихией этих вод
Мерцает жизнь твоя.
Помедли, солнечный заход,
Продли миг бытия.

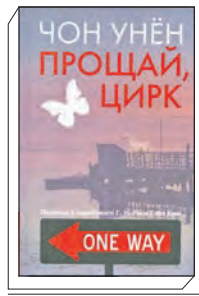
Дополняют сборник трогательные чёрно-белые фотографии из семейного архива: вот молодые Антонина и Фазиль в Сухуми в 1959 году – ещё до свадьбы, вот они– счастливые родители, вот – художественные фотопортреты Антонины Искандер: эти снимки знаменитый писатель сделал на фотоаппарат «Зенит».... А рядом – фото с литературных встреч: с Андреем Битовым, с Валентином Распутиным, с Людмилой Петрушевской, с Владимиром Маканиным и с соседями по Переделкину: Беллой Ахмадулиной и Борисом Мессерером.

В предисловии к книге Лидия Графова, журналист-правозащитник и близкий друг семьи Искандеров написала: «Думаю, её беспредельная скромность, да ещё жизнь рядом с гениальным мужем, помешали ей уже давно выйти к людям. Что поделать, она не относится к числу типичных писательских жён, которые «знают себе цену». Небрежно относилась к своему творчеству, а вот Фазиль, не щедрый на похвалы, многие её стихи оценивал высоко».

Хочется верить, что и у читателей будет возможность увидеть и оценить новые книги Антонины Хлебниковой-Искандер.

Валерия Галкина

Лги, что ты жив



Чон Унён. Прощай, цирк

Роман / Пер. с кор. Г.Н. Ли и Габэ Ким

СПб. Гиперион 2016

288 с. (Серия «Современная корейская литература») 1500 экз.

«Прощай, цирк» – это книга не о забавных представлениях на арене. Несмотря на то что именно с выступления юных жонглёров и начинается повествование, далее автор говорит о непростых взаимоотношениях между корейскими мужчинами и китайскими женщинами.

Чон Унён стала первой писательницей в Азии, которая обратила внимание на социальное положение чосончжогов – этнических корейцев. Главная героиня «Цирка» – молодая Лим Хэхва из Китая, которая покинула родину и вышла замуж за немого Ли Инхо – с широкой, точно у клоуна, улыбкой. Она верила, что сможет стать счастливой женой, «голосом» своего мужа. Его младший брат, Ли Юнхо, выступает в роли первого рассказчика, он знакомит читателя с началом этого «больного» брака.

В словах Юнхо выражена одна из основных тем романа: «Я уверен, что страх не рождается высоко над землёй, а поднимается из сердца». Действительно, автор много рассуждает о явлении страха. На протяжении всего произведения Хэхву и Юнхо сопровождают и тревога от ощущения пустоты собственного существования, и тоска по любви. Они, тонкие и ранимые, учатся быть бесстрашными в разлуке: «Пора было отправляться в путь. Я не испытывала страха. Наоборот, на душе было спокойно. Мне нечего было бояться. Дул холодный зимний ветер. Сейчас он свирепствовал, разрывая облака, но я знала: когда придёт время, он станет тёплым, из него уйдёт злоба. Я повернула лицо навстречу его порывам».

Текст романа насыщен подробностями и пояснениями, касающимися культурной жизни корейского народа за последние десятилетия: «Образ сагвабэ», «...в заведении типа цимдильбана». Любопытен и выразителен язык автора. Книга написана экспрессивно, в ней встречаются частые риторические вопросы, повторы и восклицания, а также парадоксальные афоризмы: «Если тебе больно, ты лжёшь, что не чувствуешь боли, если опьянел, ты лжёшь, что ты трезв как стёклышко, даже если ты умер, лги, что ты жив...».

Именно в обычных бытовых сценах явственнее звучат голоса героев, ярче ощущаются их переживания. Плоть книги – потоки размышлений центральных персонажей, не прерывающиеся до последней страницы. Иногда их монологи переходят в точные и образные наблюдения: «...море бывало тёплым, словно объятия матери, или прозрачным, как улыбка невинного младенца, а могло и пошалить, точно клоун, корчащий забавные рожи».

Роман «Цирк» – калейдоскоп судеб и событий, каждое из которых иллюстрирует социальные, психологические и нравственные проблемы в отношениях между людьми разных национальностей в сложную эпоху глобализации.

Оксана Судьина

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

Пиши правду и не лукавь...

Проза – более ответственное дело, чем поэзия, – считает Михаил Годенко

Старейший писатель России вспоминает о до сих пор близкой Великой Отечественной войне и размышляет о писательском ремесле.

– Михаил Матвеевич, кем вы больше себя ощущаете – поэтом или прозаиком?

– Конечно, прозаиком. Хотя мои отношения с литературой всегда складывались очень интересным образом. Первой я начал писать всё-таки прозу. Потом, классе где-то в пятом, у меня пошли стихи. Но по-настоящему я начал их писать в то время, когда началась война с фашистами в Испании. В войну как раз такие вещи лучше всего и пишутся. Уже во флоте я стал местным «классиком». Писал в разные флотские газеты, в том числе и такие, как «Огневой щит». Потом, уже после службы во флоте, поступил в Литературный институт на семинар поэзии. А впоследствии всё-таки пришёл к выводу, что проза – это более сильное и ответственное, чем поэзия, дело. По молодости мы, конечно, все занимаемся поэзией. А затем переходим к прозе, которая требует капитального знания жизни. Судьба моя это только подтвердила.

– За литературным процессом следите?

– Конечно, слежу. Я постоянно читаю два издания – журнал «Наш современник» и газету «Советская Россия».

– Какую книгу вы считаете главным произведением своей жизни?

– Конечно же, роман «Минное поле». Кстати говоря, я его написал всего за 53 дня.

– Как восприняли его выход ваши коллеги?

– Прекрасно восприняли. Он получил очень высокую оценку. Сначала я его отнёс в журнал «Октябрь», главным редактором которого был Всеволод Кочетов. Но он там несколько лет пролежал неопубликованным. В итоге его напечатал журнал «Москва». Я никогда не забуду главного редактора этого журнала, который по прочтении романа мне сказал: «Мне хочется вас обнять и расцеловать». Но мне не дали за этот роман Государственной премии СССР, хотя многие крупные произведения при меньшем весе такие премии получали.

– Ваш творческий метод?

– Соцреализм. Впрочем, сам я никаких методов не признаю. Я считаю, что нужно в этом вопросе придерживаться одного правила: пиши правду, не лукавь. Или, как у нас говорят на Украине, «пиши – як було».

– Кого из писателей считаете своими учителями?

– Ну, самый близкий мне по духу был Михаил Шолохов. Между прочим, мне приходилось бывать у него в станице в составе бригады наших писателей. Если же говорить о людях моего поколения, то это мой лучший друг Миша Алексеев, мой сокурсник Володя Бушин, недавно умерший Миша Лобанов.

– Ваши политические взгляды не изменились?

– Ну как сказать? Я – коммунист и им остаюсь до сих пор. А всю ту антисоветскую музыку, которую слышно в последнее время, не принимаю. Ведь я вступил в партию ещё в 1941 году. Война началась в июне, а уже осенью я вошёл в ряды ВКП(б).

– Раз уж мы затронули тему войны, расскажите о ваших испытаниях в этот период.

– Дело в том, что ещё до того, как попасть на Великую Отечественную войну, я немного поучаствовал в Финской кампании. Меня призвали во флот в 1939 году. Службу я начинал в Кронштадте. Сперва находился во флотском экипаже в Ленинграде. Но когда меня определяли на службу, то задали вопрос: «Кем ты хочешь быть?» Я сказал: «Минёром». Все удивлялись, что я, парень с десятиклассным образованием, выбрал себе такую простую специальность. И получилось так, что, когда мы ещё не воевали с Германией, финны били по нашим фортам огромными 24-дюймовыми снарядами. А я, между прочим, во время этой кампании очень хотел попасть в батальон лыжников. В то время туда как раз шёл набор. Занимался этим вопросом знаменитый Гранин, флотский капитан, но не корабельной, а береговой службы. Я писал рапорта, просил своё командование, чтобы меня именно туда направили. Молодёжь рвалась куда-то, хотя совершенно не представляла того, на что идёт. Ведь в школе я был лыжником. Но командир мне сказал: «Ну куда ты рвёшься? Ты же южный человек, хохол. Зимы ты не видел. Снег-то бывал хоть у вас? Я беру настоящих профессионалов лыжников, а с тобой будет возня». Так я остался на корабле. Но мне и на своём катерном тральщике «Снег» хватало работы. Я же был специалистом по минам. Едва эта небольшая война закончилась, как началась Отечественная. Немцы напали на Россию.

– На своём корабле вы так до конца войны и служили?

– Нет. Получилось, что я какое-то время служил в Эстонии, в городе Таллине. В августе 1941 года мы участвовали в знаменитом Таллинском переходе наших кораблей в Кронштадт. Во время перехода наш корабль «Снег» подорвался на морской мине и стал тонуть. Из всей нашей команды выжили только я и боцман. Как оказалось, наш «Снег» был торпедирован финской подводной лодкой. Он развалился. Мы прыгнули за борт. Ходившая по морю шлюпка нас подобрала. Потом на какой-то самоходной барже нас отправили в Кронштадт. Там я в течение двух месяцев лечился в Военно-медицинской академии (во время тех самых ночных ужасов получил ранение в голову), а потом снова служил на разных кораблях специалистом по большим германским минам – БГ-4.

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Михаил Матвеевич Годенко родился в 1919 году в селе Новоспасовка Запорожской области. Участник Финской и Великой Отечественной войн. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького в 1951 году. Автор десяти книг стихов и поэм, полутора десятков книг прозы, романов «Минное поле», «Зазимок», «Потаённое судно», «Каменная баба», «Вечный огонь» и других. Лауреат премий «Прохоровское поле», «Имперская культура», литературных премий имени А. Фадеева, Н. Островского, В. Пикуля и К. Симонова. Занимал должности заместителя главного редактора журнала «Москва», секретаря Союза писателей СССР. Член Высшего творческого Совета Союза писателей России.

– В вашей биографии указано, что во время войны вы не только служили на корабле, но и воевали в морской пехоте.

– Я там был совсем недолго, а попал туда буквально сразу после своего излечения в Медицинской академии. Хотя такие вещи запоминаются на всю жизнь. Нами, не поверите, командовал сам маршал Ворошилов. Прямо на наших глазах его ранило в ногу. В правую или левую, я уже не помню. Он подъехал на своей «эмке» в самое пекло. Тут начались бомбёжки и обстрелы. И я запомнил, что перед этим для того, чтобы мы хоть как-то отогнали немцев, выступил с такими словами: «Матросики, дети мои, давайте отгоним врага на столько-то там, не дадим ему возможности занять Ленинград». Как только его ранило, наши матросы озверели. И вместо того чтобы занять одну линию окопов, о чём он нас просил, мы заняли три очереди окопов.

– Вам наверняка приходилось участвовать в атаках. Какие ощущения испытывали?

– Конечно, я участвовал в атаках. В то время так уж было заведено, что когда их проводили, старались для этого дела набрать как можно больше народу. Что же касается испытываемых мною ощущений, то я не могу их каким-то особенным образом охарактеризовать. Может быть, другие переживали на фронте подобные моменты как-то иначе, а у меня тогда дело доходило до потери сознания. Ведь представьте, ты бежишь на штык одного, другого, третьего противника. Бывает, выстрелил в четвёртого солдата или сбил прикладом его в таком горячечном состоянии... Поэтому, когда кто-то говорит, что на фронте он ничего не боялся, я в это никогда не поверю. Как писала моя подружка Юлия Друнина «Я только раз бывала в рукопашной». Но сам я, честно говоря, во время этих кровавых заварух (штыковых боёв) терял сознание. Одним словом, испытывал что-то нечеловеческое.

– А как поступили в Литературный институт?

– Рекомендацию для поступления в институт мне дал Павел Антокольский. Мы с ним впервые встречались ещё в войну в Ленинграде. У него, кстати говоря, сын погиб на фронте. Позже, когда я стал студентом Литинститута, в этот институт пришёл и он. «У меня будешь?» – спросил он меня. Я ответил: «Конечно!» И в самом начале занимался в его семинаре. А потом, когда я понял, чему конкретно у нас учат, решил, что это не моя дорога, и ушёл на семинар к знаменитому литературоведу Леониду Тимофееву.

– Кто из известных писателей с вами учился, с кем приятельствовали?

– Сейчас от всего нашего курса осталось только три человека: я, Юра Бондарев и Володя Бушин. У меня, между прочим, были очень дружеские отношения с Юрой Бондаревым. Володя Бушин вообще – мой сосед по дому отдыха «Писатель», только живёт чуть поодаль от меня, на горке. Совсем недавно умер мой друг Семён Шуртаков. Я бы сказал, это был мой лучший друг. Тоже, кстати говоря, моряк. Только я служил на Балтике, а он – на Дальнем Востоке. Хотелось бы отметить, что отца моего друга Юры Бондарева – Василия Бондарева – в годы нашей совместной учёбы органы МГБ арестовывали. Мне удалось вытащить его из тюрьмы...

– Как у вас это получилось?

– Так как я тогда был парторгом курса, то поговорил с первым секретарём райкома, сказал, что всё это наговоры. А там, видите, какая получилась вещь?! Один из его соседей-подлецов решил ему отомстить и написал на него провокационное письмо, которое отправил по месту службы. А с Бондаревым, вообще-то говоря, мы были друзьями: встречались на праздниках, да и жена моя была подругой с его женой. Человек он был, конечно, хороший. И когда с его отцом случилась беда, он мне обо всём рассказал. Я пришёл и сообщил о своём отношении к произошедшему инциденту в райком. Через какое-то время меня вызывали на Лубянку, в управление НКВД. «Что вы об этом знаете?» – спросил меня следователь НКВД. Я и сказал ему, что это – честный труженик, человек советский, нормальный. Во всяком случае, я дал ему знать, что это наш товарищ. После этого прошло сколько-то времени, как Бондарев мне доложил о том, что его отца отпустили и полностью оправдали. С тех пор, когда мы дома у Юры встречались, так его отец обязательно за меня поднимал рюмку и говорил слово в честь меня. Он, конечно, был намного старше нас. Но я про него могу сказать только одно: человек он был настоящий.

– Вы занимали немало ответственных должностей в среде писателей. К какому лагерю вы себя относили?

– Про это я могу сказать только одно: я всегда стоял за один лагерь – наш, русский. К этому мы, русские писатели, всегда и стремились. Вот у Юры Бондарева был во время нашей совместной учёбы в Литинституте лучший друг – Григорий Бакланов. Так раньше он ни к каким либералам не относился. Тогда он, конечно, никаким и Баклановым-то не был. Лично я его помню как Гришку Фридмана. Так вот, когда мы, бывает, соберёмся, этот Гришка обязательно прибегал к такому обращению: «Славяне!» Потом он к этим словам добавлял, как правило, что-нибудь матерное. Я ему как-то сказал: «Гриша, ну ты и мореман!» Это уже потом он примкнул к другому лагерю, а в 1993 году подписал знаменитое «Письмо 42-х». А раньше у нас был один лагерь.

– Что думаете о происходящих сегодня событиях на Украине?

– Вы понимаете, сам я – родом с Украины. Сперва это была Днепропетровская область. Но потом Запорожье выделилось в отдельную область. Поэтому я везде пишу, что я – запорожский казак. Конечно, я очень плохо отношусь ко всему тому, что сейчас там происходит. Честно говоря, я разогнал бы их всех. Для этого, между прочим, и большой силы-то не надо. Достаточно экипажа одного такого корабля, на котором я служил во время войны. Я бы не стал говорить, что это наши враги и тому подобное. Всё, что происходит сейчас на Украине, это – сплошной примитив.

Беседу вёл
Илья Вершинин

ПОЭЗИЯ РАБОЧЕЙ СРЕДЫ

С наивной лихостью строки

Виктор Крупенин

Родился в 1936 году в Москве. Поэзия пленила его в совсем юном возрасте – ещё будучи школьником, он увлёкся стихами Д. Кедрина и В. Луговского. В его характере удивительным образом сочетались, казалось бы, противоположности: с 18 лет Крупенин стал трудиться на ЗИЛе по абсолютно рабочей профессии и... параллельно поступил во ВГИК на сценарный факультет. А потом – немало лет работы в заводской журналистике. С 1958 года он – активный участник известного тогда на всю столицу Литобъединения писателей и поэтов при ЗИЛе, которое просуществовало до конца 90-х годов прошлого века. И последний его председатель.

Рабочая поэзия

Замешенная на железе,
С наивной лихостью строки
Живёт рабочая поэзия
Официальной вопреки.
Её не балуют в журналах,
Зато многотиражки чтут.
Даёт ей место лишь в «подвалах»
Раз в десять лет газета «Труд».
Не в Переделкине рождённая
За полированным столом,
Она воюет, убеждённая,
С неправдой, косностью и злом.
Её не била протоколами
Собраний праведных рука.
И, к счастью, критика уколами
Её не трогает пока.
Она живёт и развивается
Назло эстетам и глупцам,
И всей душою открывается
Простым бесхитростным сердцам.
Литинститут, храня обычное
Высокомерие своё,
Глядит с усмешкою, набычившись,
На представителей её.
Талант и труд по знакам равенства
И под эгидою ума,
Она осваивает таинства
Стихосложения сама.
Ей не нужны цветы и почести,
Она не требует наград,
Не воспевает одиночество
И женщины призывный взгляд.
Она из чаши вдохновения
Пьёт не в поездках за рубеж
И набирается умения
Не у тебя, Париж и Льеж.
Не в дальнем штате Алабаме
Блистает вычурной строкой.
Она на ЗИЛе и на БАМе
Свободной плещется рекой.

Тело и душа

В бренном теле пылкая душа
Человеку не даёт покоя,
То сидит она тихонько, не дыша,
То не может обойтись без боя,
То она опустится на дно,
То стремится в солнечные дали,
То ей всё на свете всё равно,
То хохочет, то полна печали.
И до самой гробовой доски
Тело бренное её лелеет.
Разобьётся сердце на куски
И душа тогда осиротеет
И начнёт она искать приют,
Ад и рай – всё это басни, враки,
Обретёт душа покой, уют
В бренном теле кошки иль собаки.
Замечали: как порой зверьё
То, что проживает с нами рядом,
Проявив душевное чутьё,
Вдруг посмотрит человечьим взглядом.
Надо всем по правде только жить,
Не давать душе быть злой и слабой,
Чтобы после смерти не тужить,
Став свиньёй или зелёной жабой.

Усталость

Деталь сломалась, и машина встала.
Излом сверкает свежестью стальной.
Усталость, говорят, есть у металла,
И он не вечен тоже под луной.
Казалось бы, ну что прочнее стали?
Служить бы ей нам долгие века.
У шестерёнки зубы падать стали,
Как у столетнего, седого старика.
Путеец молотком стучит, по звону
Пытаясь в рельсах трещину найти.
Металл звучит подобно камертону,
Чтоб машинист спокоен был в пути.
Нагрузки разрушают всё на свете.
Усталостью страдает и броня.
Я – человек, и я за всё в ответе.
Так из чего же сердце у меня?

Письмо матери

Сыночек, здравствуй!
Добрый день иль вечер!
Поклоны шлёт тебе твоя родня.
В надежде, что тебя я снова встречу,
Хожу к автобусу я на исходе дня.
Так пишет мать письмо родному сыну,
Что грудь болит, спина и голова,
Что под окном кудрявую рябину
Отец срубил по пьянке на дрова,
Что летом родила соседка Танька.
Мальчонка крепенький и до чего пригож.
Соседка назвала сыночка Ванькой.
Все говорят, что на тебя похож.
Вы с Колькой самогон глушили в бане
И песни пели про злосчастную судьбу.
Так знай, что он погиб в Афганистане,
Домой вернулся в цинковом гробу.
Другой друган твой, Афанасий Квакин,
В райцентре натворил немало бед,
Кавой-то он зарезал в пьяной драке
И получил за это десять лет.
А Венька Коробов, он тоже твой приятель,
Он пьёт коньяк, забыв про самогон.
Теперь он стал в колхозе председатель,
С портфелем по деревне ходит он.
Ты там в Москве работаешь на ЗИЛе.
Теперь ты модный стал и городской,
Но мы тебя, сыночек, не забыли
И ждём тебя с надеждой и тоской.
Нас, стариков, в деревне только двое,
Другие на погосте все лежат.
Не забывай Теряево родное
И возвращайся к нам скорей назад.
Ты приезжай скорей, сыночек Миша,
Когда наступят отпускные дни.

Уж больно прохудилась в доме крыша,
Ты нам её, сыночек, почини.
Да табачку для бати ты достань-ка,
У нас в сельпо совсем нет сигарет.
Привет передаёт соседка Танька.

Ёёный сын отдельный шлёт привет.
На Пасху приезжай иль к Первомаю.
Мы с нетерпеньем будем тебя ждать.
Люблю тебя, целую, обнимаю.
Твоя больная, старенькая мать.

Объяснение в любви

Немые говорили о любви,
В вагоне электрички было это.
Кипели чувства в молодой крови,
И озарялось всё волшебным светом.
Они на целом свете в этот час
Одни при полном многолюдье были,
И жестами, и выраженьем глаз
Они всё говорили, говорили
В надежде, что другие не поймут
То, что сказали трепетные пальцы,
Когда слова, как угли, руки жгут,
А взгляды, как небесные скитальцы,
Кометами они горят в ночи
И говорят: «Я твой», «Твоя навеки»,
Так родников хрустальные ключи
Вливаются в разбуженные реки.
А весь вагон глядел исподтишка,
Как в тамбуре немые говорили,
И плыли над землёю облака,
И перелески за окошком плыли.
А бабушка какая-то, сходя,

РИА НОВОСТИ

Марш «Бессмертного полка», май 2017 г.

В Голицыне, наверно, это было,
И мимо тех влюблённых проходя,
Перекрестивши, их благословила.

Столбняк

Я красивых таких не видел.
С. Есенин «Сестре Шуре»

Я красивых таких не видел,
Ты милее других девчат.
Красотою их бог не обидел,
Только все они не звучат.
Ты ж, как песня в лесу весеннем
Зачарованного соловья.
Как при встрече с Дункан Есенин,
Столбенею от счастья я.
Ты и в профиль, анфас и сзади
Краше разных времён королев.
Как Высоцкий при встрече с Влади,
Замераю я , остолбенев.
Мы с тобою, конечно, не пара,
Но, срываясь порою на крик,
Всё ревнует жена Тамара,
Значит я ещё не старик.

Библиотека Грозного

Книжки Грозный так любил читать,
Так зарыл свою библиотеку,
Что её не могут отыскать
Вот уже четыре с лишним века.
Перерыли всё вокруг Кремля
И в самом Кремле её искали,
Но не хочет отдавать земля
Мудрости заветные скрижали.
На могилу Грозного пришёл
Археолог и взмолился рьяно:
«Сделай так, чтоб я его нашёл,
Клад бесценный – книги Иоанна!
Буду я, как Шлиман, знаменит
И членкором, может быть, я стану».
Видит: призрак перед ним стоит.
В ноги бросился несчастный Иоанну.
И зловещий голос зазвучал,
Слово каждое, как будто из металла:
– В книгах сих – начало всех начал,
Чтобы Русь опять великой стала,
Но на трон мой лезут дураки,
По которым плачет моя плаха.
Тянут их на брег Москвы-реки
Власть, корысть и шапка Мономаха.
Книги отыскать ты не проси.
Срок придёт, отмеренный от веку,
Умному правителю Руси
Сам отдам свою библиотеку.
И растаял грозный Иоанн,
Под могильной скрылся он плитою.
Археолог был немного пьян,
Всякое бывает с перепою.

Память

Как стремителен времени бег,
Жизнь, как птица, стрелой пролетает.
Знай, что есть на земле человек,
Тот, который тебя вспоминает.
Пусть судьба вас давно развела,
Между вами земные просторы,
Но, как прежде, к нему ты пришла
Через степи и снежные горы.
Как безжалостны всё же года,
Нет девчонки той резвой, игривой.
Он тебя вспоминает всегда
Юной, стройной, весёлой, красивой.
Даже если в могиле лежишь,
Через мрак, через тлен и забвенье
Ты на крыльях к нему прилетишь
Светлым ангелом в час сновиденья.
И не страшен нам времени бег,
Память прошлое вновь воскрешает.
Знай, что есть на земле человек,
Тот, который тебя вспоминает.

Марш «Бессмертного полка»

Заросли и осыпались наши окопы,
Те, политые кровью людской рубежи.
Мы покоимся в братских могилах Европы,
Мы на сельских погостах России лежим.
Нас в объятья свои принимает столица
И выводит опять на военный парад,
А с портретов глядят дорогие всем лица
Офицеров, старшин, медсестёр и солдат.
И звучит взволнованно по следу
Памятью и мёртвым, и живым:
– Спасибо деду за Победу!
А мир мы сами отстоим!

* * *

Движутся и движутся колонны,
Роты нас и батальоны нас.
Это мы вставали непреклонно.
Это мы все защищали вас.
В городах-героях по России
Есть свои «Бессмертные полки».
Коль боеприпасы выходили,
Поднимали роту мы в штыки.
И звучит взволнованно по следу
Памятью и мёртвым, и живым:
– Спасибо деду за Победу!
А мир мы сами отстоим!

Похороны

Друзья мои уходят в мир иной,
Всё меньше нас теперь на белом свете.
Конечно, всё не вечно под луной,
Но почему ушли не те, а эти,
Которым жить и жить бы много лет
На радость всем:
Родне, друзьям, соседям,
Кто нас спасал и защищал от бед.
Но в катафалке мы печальном едем,
А рядом гроб, а в нём наш лучший друг.
Венки бумажными шуршат цветами.
О, Боже правый, или недосуг
Тебе всё взять и поменять местами?
Пусть сгинут все заклятые враги,
Никчёмные и подлые людишки,
А с ними вместе, Боже, помоги!
Их грязные, поганые делишки.
Всевышний, царствуй вечно в небеси,
Даруй любовь букашке, птичке, зверю,
Но друга нашего ты, Боже, воскреси,
И вот тогда-то я в тебя поверю.

А МУЗЫКА ЗВУЧИТ...

Чудо русской песни

В памяти народного артиста СССР Владислава Чернушенко до сих пор звучит музыка блокады

В истории отечественной музыкальной культуры есть личности исключительные. К ним, без преувеличения, можно отнести нынешнего художественного руководителя и главного дирижёра Государственной академической капеллы имени М.И. Глинки, народного артиста СССР, лауреата Государственных премий России Владислава Александровича Чернушенко. Вот уже шестое столетие, не зная ни дня перерыва, Капелла служит форпостом русского певчества, собирает таланты, сберегает песенные традиции, словно аккумулируя какое-то тайное знание, позволяющее преодолевать любые препятствия.
Наш корреспондент в стенах Капеллы встретился с этим удивительным человеком.

– Владислав Александрович, Ленинград–Санкт-Петербург отметил знаменательную дату – 75 лет со дня прорыва кольца блокады. Отпечаталась ли в памяти шестилетнего ребёнка «музыка блокады»?

– То была «музыка» бомбёжек и артобстрелов, воющие голоса сирен, предупреждающих о налёте фашистской авиации, и звенящая после отбоя тревоги тишина настороженного ожидания. Других мелодий я не помню.

Ещё с войны семья наша: бабушка, мама, отец и троица детей – старший брат, я и младшая сестра – жили в доме, построенном для своих сотрудников НИИ-13, где работал отец. Из детей нескольких его сослуживцев сложилась дошкольная группа, с которой вела занятия приглашённая женщина-немка. Она что-то играла, мы что-то как бы пели, както двигались под музыку, что-то учили и читали вслух. И вот всё кончилось. Основной контингент сотрудников института был эвакуирован на Урал.

Поскольку мы начали беседу с блокадной темы, добавлю, что институт с первых дней войны превратился в оборонное предприятие, и отец продолжил работу в Ленинграде в качестве начальника группы кооперирования спецзаказов для Северного фронта. Естественно, мы остались с ним.

В марте 1942 года отца отозвали на главную базу института в г. Молотов (ныне Пермь). Эту трагическую для нашей семьи сцену я вижу с предельной отчётливостью. К подъезду подъехала грузовая полуторка, кузов её был полон сидящими людьми. Мы стояли у парадной. Отец подсадил маму в кабину, пристроил ей на колени сестрёнку, помог мне с братом забраться в кузов и приготовился помочь бабушке присоединиться к нам. Она сделала шаг навстречу отцу и вдруг остановилась и сказала: «Саша, вы езжайте, я не поеду».

Люди в кузове загомонили: «Время, время, надо ехать...» Бабушка поднялась на ступеньку парадной и помахала нам рукой. Отец поднялся в кузов машины, и она тронулась. До сих пор у меня перед глазами стоит её худощавая фигура в чёрной одежде с опущенными вдоль тела руками и немигающие глаза на спокойном лице. Где и как она упокоилась, нам не дано было узнать.

В 1943 году семья наша снова уменьшилась, ушла из жизни сестрёнка. А в конце лета 1944 года состоялось возвращение в Ленинград. Наша квартира оказалась занятой. И хотя мы по закону имели право выселить занимавших нашу жилплощадь людей, отец на это пойти не мог.

Отец руководил восстановлением одного из ленинградских заводов, и нам предоставили две комнаты в коммунальной квартире дома на набережной реки Мойки по соседству с Музеем А.С. Пушкина (за два дома от здания Капеллы).

Случай это или провидение Господне, но мама неожиданно увидела объявление о наборе учащихся в хоровое училище при Капелле и отправила нас с братом туда. История этого уникального учреждения, ведущего счёт своих лет от 12 августа 1479 года, явившегося истоком всей профессиональной музыкальной культуры и музыкального образования нашего Отечества, – разговор особый.

Что же касается начала моего бытования и учёбы в хоровом училище, оно навсегда связано с именем Палладия Андреевича Богданова, чьё имя должно быть золотыми буквами высечено на скрижалях музыкальной истории России.

В то время, когда я впервые в 1944 году перешагнул порог Капеллы, Палладий Андреевич был озабочен воскрешением школы, эвакуированной в начале войны в село Арбаж Кировской области. Так случилось, что при возвращении из эвакуации певческая школа осталась в столице, став Московским хоровым училищем, и ему пришлось её возрождать в Ленинграде заново.

Задача перед ним стояла весьма непростая. Где в 1944 году было набрать одних мальчишек? И потому брали всех, даже девочек. Но он с этой сверхзадачей справился блестяще. Именно ему многие поколения выпускников «капелльской» школы обязаны своими счастливыми судьбами; её выпускники: Александр Юрлов, Александр Фляркovский, Владимир Минин, Дмитрий Китаенко, Александр Дмитриев, Владимир Атлантов и другие впоследствии утверждали славу музыкального искусства России.

Продолжение послешкольного певческого маршрута для выпускников Хорового училища было традиционным – путь вёл в консерваторию. И главную роль для моего будущего сыграл Георгий Александрович Дмитревский. Художественный руководитель и главный дирижёр Капеллы, заведующий кафедрой хорового дирижирования консерватории, он знал ещё по училищу каждого своего воспитанника. С его неожиданной помощью наша семья была после смерти отца буквально спасена от начавшейся почти «второй блокады», когда мама полгода не могла найти работу и у нас не было средств на еду и одежду. И только его рекомендация открыла для мамы место артистки хора радио, а ходатайство Радиокомитета привело меня в «капелльский» интернат.

РИА НОВОСТИ

Владислав Чернушенко: «Прошу сосредоточиться!»

Дальнейшее как бы само собой выстроилось в последовательности, в которой, шагая в дирижёрской профессии, я не пропускал ни одной ступени. Все студенческие годы я работал с любительскими хорами: женский хор Военно-медицинской академии, мужской хор Высшего военно-морского училища, хор студентов Кораблестроительного института, учитель пения первой в Ленинграде английской школы.

По окончании консерватории мне довелось четыре года проработать педагогом музучилища, дирижёром профессиональной хоровой Капеллы, создателем и руководителем детского хора Дворца культуры металлургов.

А дальше возвращение в Ленинград с женой и двухлетним сыном, вторичное поступление в консерваторию на отделение оперно-симфонического дирижирования, параллельная в течение 17 лет работа в ДК пищевой промышленности, создание там первого в СССР камерного хора, ставшего лауреатом ряда международных конкурсов и занявшего особое место в концертной жизни Ленинграда. Потом работа вторым дирижёром в оркестре радио Петрозаводска, работа в Ленинградском Малом театре оперы и балета, концертные выступления с камерными филармоническими оркестрами, аспирантура и педагогическая работа в консерватории, постановка «Русалки» Даргомыжского и дирижирование спектаклями в Оперной студии...

Огромное для меня значение в этот период имело то, что к сожалению, всего лишь один год я был первым и единственным студентом Евгения Александровича Мравинского. Лучшей школы познания сути дирижёрской профессии я не могу себе представить. Всем основным, что мне удалось познать и реализовать на практике, я обязан ему. И конечно, класс педагога-волшебника Ильи Александровича Мусина. Тут мы по очереди становились перед ним за дирижёрский пульт – я, Юрий Темирканов, Юозас Домаркас, Фёдор Глущенко, Павел Бубельников. А в соседнем классе Николая Семёновича Рабиновича дирижировали Юрий Симонов, Марис Ансонс, Станислав Горковенко...

Отмечу, что нам очень повезло. Нас вводила к причастию в храм дирижёрского искусства выдающаяся триада высочайших мастеров: педагогического – Мусин и Рабинович, исполнительского – Мравинский.

Ну а дальше – год 1974. Имея ряд выгоднейших для карьеры предложений, я получаю ещё одно со знакомым именем. Капелла в это время переживает тяжелейший творческий кризис, положение дел там катастрофическое. Мне это было хорошо известно. Но есть сыновий долг, и он обязывает. И както незаметно в «шахтёрских» моих трудах скользнули, мелькая огоньками на полустанках, дни, отсчитывающие 44-й год.

– Вы уже без малого 45 лет руководите Капеллой. Когда в репертуаре хора появилась духовная музыка?

– Следует сначала назвать имя первопроходца, приоткрывшего крышку сундука с «замурованным церковным кладом». Александр Юрлов, 90-летие которого недавно отмечалось, после десятилетий молчания добился права исполнить в конце 60-х годов программу духовной музыки. Успел немного. Слишком кратким оказалось земное пребывание этого выдающегося музыкального, общественного деятеля и подлинного государственного мужа. Мы были хорошо знакомы. Он знал мой камерный хор и высоко оценивал его певческий уровень. Будучи председателем Ленинградского хорового общества, я постоянно участвовал в заседаниях Президиума ВХО, руководимого Юрловым. При одной из встреч он неожиданно спросил: «Почему ты не поёшь духовную музыку?» На мой ответ о том, что она требует большого хора, а у меня – камерный, он возразил: «Ты не знаешь, многое можно петь малыми ансамблями».

С этого и начались мои поиски соответствующих нот. Ни в каких государственных библиотеках их не было. Кстати, став руководителем Капеллы, я не обнаружил в её библиотеке ни одной страницы духовной музыки. Кое-что удавалось приобрести из частных рук, кое-что выпросить у церковных регентов. Первые опыты исполнения сочинений Бортнянского, Березовского, Веделя мы осуществили с камерным хором.

Кончина Юрлова, казалось, поставила крест на исполнении в концертах духовных сочинений, ибо ведущие руководители профессиональных хоров осмотрительно затаились. Но, как в сражении, если падает идущий впереди знаменосец, кто-то должен подхватить поникшее знамя, пока атака не захлебнулась. Мы и продолжили. Сначала включая отдельные пьесы в сольные хоровые программы. А первый полный концерт из произведений Бортнянского прозвучал в зале Капеллы в 1976 году в связи с 225-летием со дня рождения композитора. Тогда это было событием необычайным.

В 1981 году мы провели первый фестиваль «Невские хоровые ассамблеи». Концерты шли под девизом «Пять веков русской хоровой музыки», а научно-практическая конференция соответствовала теме «Прошлое и настоящее русской хоровой музыки». Первые четыре концерта целиком были посвящены исполнению духовной музыки от древнерусских песнопений до сочинений XX века. Фестиваль не имел статуса всероссийского, а был лишь городским. Однако мы приняли делегации из 82 городов Советского Союза.

А уже в 1982 году после 54-летней паузы в зале Капеллы вновь прозвучала «Всенощная» Рахманинова.

Коллектив Капеллы им. Глинки известен далеко за пределами Санкт-Петербурга

– В этом контексте мы не можем здесь не вспомнить о Георгии Свиридове и Валерии Гаврилине, с которыми вам довелось работать.

– Свиридов и Гаврилин – это генеральная линия русской музыки, идущая от Глинки и Даргомыжского к Бородину, Балакиреву, Римскому-Корсакову, Мусоргскому и далее через Чайковского, Рахманинова, Танеева, Глазунова к Стравинскому, Прокофьеву, Шостаковичу и их современным наследникам. Эти титаны русской музыки живут во мне как часть меня самого.

С Валерием Гаврилиным мы были дружны со студенческих лет. Сыновья наши копошились в одном детском саду, и мы, помимо консерватории, по утрам нередко там собеседовали. Но прямое наше творческое взаимодействие сильно запоздало. Главные его работы, связанные с хором и оркестром, – «Военные письма», «Скоморохи», – нашли прекрасных эстрадных исполнителей, а «Перезвоны», предполагавшиеся для исполнения Капеллой, ушли в Москву к В.Н. Минину. Намечавшиеся новые сочинения, увы, не увидели света. В канун 60-летия Гаврилина мы с ним обсудили объёмную программу фестиваля, посвящённого его творчеству, определили сроки проведения, но осуществление замысла произошло уже в отсутствие Валерия. Конечно, с восстановлением в структуре Капеллы симфонического оркестра мы кое-что успели сделать, к радости композитора. В Большом зале филармонии были исполнены «Скоморохи» и музыка балета «Женитьба Бальзаминова». Однако главное его сочинение – «Перезвоны» – прозвучало уже вслед уходу Гаврилина из жизни. И эта царапина на сердце кровоточит до сих пор.

Музыка Гаврилина будет всегда, пока жива Россия, ибо в ней собрана вся многовековая боль, все радости и слёзы, неурядицы и великие свершения, поругание святынь, иудины предательства, разорение и восстание из пепла, подобное Христову воскресению, и всё это пронизано любовью и целительной верой в подчас бесшабашный, доверчиво добрый, но в годины испытаний непостижимо стойкий и непреоборимый народ. Собственно, так же и у Свиридова. Неслучайно эти два имени часто произносят рядом.

Более трёх десятилетий мы непосредственно контактировали с Георгием Васильевичем Свиридовым. Совместные репетиции, концерты с присутствием автора, грамзаписи с его участием, специальные мои приезды в Москву, когда с утреннего приезда и до ночного отъезда мы в его квартире на Большой Грузинской работали, беседовали о самом разном, в основном о проблемах образования и культуры. Для меня, как и для всех, имевших возможность такого общения, это было существенным дополнением не только к музыкальному образованию, но и к урокам мировой истории, к пониманию поэтического слова, к определению нравственных критериев общественной жизни и многого другого, что относится к сокровенным сторонам подлинного искусства. Поражали острая память и колоссальная эрудиция Георгия Васильевича. Но более всего впечатляло его чувство слова, удивительно точное интонирование речи, выраженное скупыми нотными знаками. Когда-то, имея в виду живопись, художник Юон сказал: «Как мало нот, как много музыки». Но то же самое можно сказать и о Свиридове. Нот ни больше ни меньше, ровно столько, сколько необходимо, чтобы слово обрело живую силу и достигло внимающего ему сердца. Это в той же мере относится к музыке без слов, ибо мелодия – то же слово, та же живая речь. Ведь если отдельно издать тексты, использованные Свиридовым в своих сочинениях, составится малая антология лучшего из всей русской поэзии.

Такая наука легла в основу нашей работы в Капелле. Особенно это потребовалось в процессе подготовки и исполнения последнего сочинения Свиридова – «Песнопения и молитвы». Не было в нашей работе ничего особенно сложного в освоении нотного текста, но не было и ничего более сложного, чем интонирование веками отшлифованных священных слов. Почти непреодолимым препятствием стало «Покаяние блудного сына». Сам Георгий Васильевич в репетициях пытался достигнуть нужной выразительности, но – тщетно.

Но вот премьера. Зал переполнен. Свиридов в тёмных очках неподвижно сидит на привычном месте в партере у прохода. Ведущая объявляет последовательность песнопений. Зазвучали слова: «Слава, слава, слава… слава Отцу и Сыну», потом «Приидите, поклонимся»… В паузах между пьесами – звенящая тишина зала. Вот миновало «Покаяние блудного сына» и, наконец, в завершение – «Странное Рождество видевше». Хор умолк. В зале молчание. Затем редкие жиденькие хлопки. Неужели провал? Я поворачиваюсь в зал и вижу, как слушатели постепенно выходят из состояния глубокой чувственной сосредоточенности. Потом нарастающий шум прибоя, шквал аплодисментов, многочисленные выходы на поклон Свиридова. Уже там, в коридорчике за сценой, набитом людьми, желающими поздравить композитора, Георгий Васильевич, обняв меня за плечо и приложив ладонь к моему уху, произносит: «Я слушал эту музыку не как свою и понял, что написал её правильно». Такова была высшая похвала Свиридова себе.

Уверен, «Песнопения и молитвы» Свиридова — это вторая вершина мировой музыки, равная по значимости «Всенощному бдению» Рахманинова.

– Как построены выступления хора?

– В большинстве своём наши сольные концертные программы для гастрольных выездов внутри страны и за рубежом строятся следующим образом: первая часть – русская духовная музыка, вторая часть – русские народные песни. И первое, и второе производит ошеломляющее впечатление на слушателей и в нашей стране, и за её пределами.

К примеру, в июне прошлого года нам было предложено приготовить специальную программу православной музыки (от Иоанна Грозного, который, помимо отправления государственных дел, участвовал в хоре государевых певчих и при этом сочинял для него музыку, до современных авторов) для исполнения на одном из самых крупных европейских фестивалей в Зальцбурге. Видели бы вы, с каким восторгом и даже благоговением нас слушали! Они ведь пребывают в абсолютном неведении, они не знают, что такая музыка у нас в России существует!

– Совсем недавно вы побывали в Сербии…

– С этой страной у нас особые отношения на протяжении уже 32 лет. Три десятилетия назад мы почти никуда не выезжали, в основном за рубежом гастролировали московские коллективы, а если приглашали нас, то мы, как правило, узнавали о том, что вместо нас уже съездил кто-то другой.

А тут случились Дни РФ в Сербии. Это было некоммерческое мероприятие, и потому желающих ехать туда не нашлось. Тогда и было принято решение направить нас, тем более что сербская сторона настояла на том, чтобы открытие Дней было классическим: в первой части должен был выступать хор, а во второй части – ансамбль «Берёзка».

Как ни старалась наша сторона устроить там обычный «эстрадный компот», сербы были непреклонны и настояли на своём.

Прежде в репертуаре хора не было сербской музыки. К счастью, перед вылетом один из наших педагогов передал мне сборник руковетов (сюиты из песен народов Югославии) Стевана Мокраняца. Я, листая сборник, выбрал наугад один из руковетов, мы его выучили, как смогли, причём у нас даже не было сербского переводчика… В программе концерта он не значился, а был у нас в запасе, если вызовут «на бис».

Как только раздались первые звуки выбранного мной наугад руковета – зал глухо «охнул», а после водопад оваций буквально залил зал. Оказалось, содержание руковета связано с битвой при Косово, положившей начало освобождению Сербии от османского ига. С тех пор хор Капеллы в Сербии стал не просто творческим коллективом, а породнённым национальным героем.

Среди многократных наших визитов в Сербию самым памятным оказался день 15 апреля 1999 года. Этот день по окончании гастрольного тура хора в Словении должен был завершиться концертом с презентацией нашего аудиодиска с первой полной для Сербии записью «Литургии» Мокраняца, самого почитаемого сербского композитора.

Но НАТО начало бомбардировки. Белград сообщил об отмене концерта. Однако в самый канун выезда в Словению последовал новый телефонный звонок: «Белград всё же просит Капеллу приехать». С этим я обратился к хору и не услышал ни одного «нет».

Проехав всю ночь в автобусе, к часу дня 15 апреля мы были в Белграде. Концерт проводился под грифом «Молитва о мире» после трёх недель бомбардировок. Не передать словами впечатления от происходящего: сцена исчезла, хор пел, словно обняв зал, в котором, слившись, билось одно большое общее сердце. По окончании нас всех собрали в фойе. Министр культуры со слезами на глазах выразил глубокую благодарность хору, а представитель МИДа вручил мне серебряную медаль белого Ангела со словами: «Теперь до конца дней вы будете помнить 15 апреля, когда явились в Сербию, как белые Ангелы».

Год спустя мы вновь были в Белграде. Министр культуры пригласил нас к себе и к словам благодарности добавил слова и о героизме нашего поступка.

– Что бы вы хотели пожелать читателям «ЛГ» в наступившем году?

– Любите русскую песню – она последний резерв человека, стоящего на краю жизни, но сдаваться не готового. Пусть столетняя певческая выучка, растворённая в генах большинства русских людей, поможет вам выстоять во всех житейских нестроениях и мировых потрясениях. Слушайте песню, любите её, и тогда что-то неосязаемое обязательно «включится» в душе, какие-то, неведомые пока ещё науке, глубинные, корневые токи оживут. В этом — чудо русской песни, неотделимой от судьбы страны и её народа.

Беседу вёл

Владимир Шемшученко

ПОДИУМ

Движение в народ?

Канал „Россия 1“ продемонстрировал церемонию вручения „Золотого орла“

Окончание. Начало на стр. 1

ИТАР-ТАСС

Лауреаты кинопремии «Золотой орёл» (слева направо): режиссёры Клим Шипенко и Михаил Поляков, актёры Ирина Горбачёва и Владимир Ильин, монтажёр Сергей Бесеу и сценарист Александр Звягинцев

Из этих фильмов «ЛГ» не писала только о «Большом», в котором хороши были и молодые актрисы, и выдающиеся – Алиса Фрейндлих, Валентина Теличкина, а также Александр Домогаров, который замечательно сыграл спивающегося танцовщика. Что помешало успеху «Большого» в прокате? Полагаю, не то, что балетное училище при Большом в нём очень мало (так говорят преподаватели Московской государственной академии хореографии!) похоже на реальное, а то, что в этой истории нет доминанты. Она про интриги в искусстве или про гениальную танцовщицу из народа и про её тернистый путь к славе? Да, когда героиня была в фильме маленькой девочкой (отличная работа Екатерины Самуйлиной), от неё глаз нельзя было оторвать, а когда подросла, то вся история свелась к скучноватой и даже пошловатой производственной драме про воровство и коррупцию, убивающие искусство. Тоже интересно, но это «кино не для всех». Впрочем, и «Большой» был отмечен: **Анастасия Пальчикова** получила «Золотого орла» за «лучший сценарий». Таким образом, полагаю, отдали дань авторитету режиссёра и продюсера Валерия Тодоровского.

«Аритмию» и «Нелюбовь» мы уже сравнивали. Конечно, я болел за «Аритмию», но и у этой пронзительной ленты есть недостатки, они – в сценарии (кстати, у Звягинцева сценарии всегда математически выверены), у Хлебникова же герои ходят и ходят по кругу: думаешь, сострадая, ну, когда эти замечательные, любящие друг друга люди примут какое-то решение. Например, первое, что приходит в голову: он бросит пить, а она решит родить или уйти от него… Нет, драма в том, что ничего не меняется, герои ничего не хотят и не могут изменить. Обидный какой-то русский инфантилизм. Борьбы нет (за больных-то они жизнь готовы отдать, а с собой что делают?). И должного катарсиса. И должного успеха в прокате тоже нет.

«Лучший телефильм или мини-сериал». **«Анна Каренина»** Карена Шахназарова победила достойную историческую драму «София» (Алексей Адрианов) и почему-то попавшую в эту номинацию революционно-коммерческую вампуку «Торгсин» (Дмитрий Петрунь).

В номинации «Лучшая актриса в сериалах» Дарью Мороз, очень хорошо сыгравшую главную роль в адаптации скандинавского сериала «Преступление», и Екатерину Климову («Торгсин») победила **Лиза Боярская**. Да, она поразила, сыграв не ту Анну Каренину, которую мы предполагали (у каждого из нас она своя), а совсем неожиданную: ангела, превратившегося в фурию, какой героиню Толстого «прочитал» Карен Шахназаров.

Изумил «Лучший телевизионный сериал (больше 10 серий)». Мы подробно и крайне критично писали обо всех номинантах. Мне кажется, на экране были гораздо более достойные кандидаты, хотя бы «Склифосовский» или «Медсестра», но «Золотого орла» получил сериал про МИД времён «оттепели» – **«Оптимисты»** (Алексей Попогребский) – начинался сериал бодро, с симпатией и ностальгией по романтической эпохе Гагарина, Фиделя и комсомольского энтузиазма, но потом вдруг всё свелось к кровавой гэбне и тотальному предательству. За бортом осталась «Таинственная страсть» Влада Фурмана, в которой знаменитые поэты-шестидесятники предстали тоже весьма жалко. Прикольней было бы, если бы в этой номинации победила нахально талантливая экранизация революционного, точнее контрреволюционного блатняка – «Мурка» (Антон Розенберг и Ярослав Мочалов).

В номинации «Лучший режиссёр» Бориса Хлебникова и Валерия Тодоровского опередил **Андрей Звягинцев**. Тут, полагаю, сработал пиетет перед «старшим братом» «Оскаром» – какого ещё режиссёра американские киноакадемики так часто поощряют номинацией «Лучший иностранный фильм»? А что, а вдруг с «Нелюбовью» на этот раз повезёт? Впрочем, кинокритики предрекают победу другим.

В номинации «Лучшая мужская роль на телевидении» Максима Матвеева (Вронского из «Анны Карениной») и Сергея Гармаша, сыгравшего в «Мурке» ещё одного из его богатой галереи матёрых бандюганов, опередил **Сергей Пускепалис**, понравившийся академикам в сериале «А у нас во дворе». Да, он в этом сериале про гастарбайтеров сыграл хорошо, как всегда, сердечно, уютно, но его партнёрша Равшана Куркова многим понравилась больше, хотя она в конкурсе никак отмечена не была.

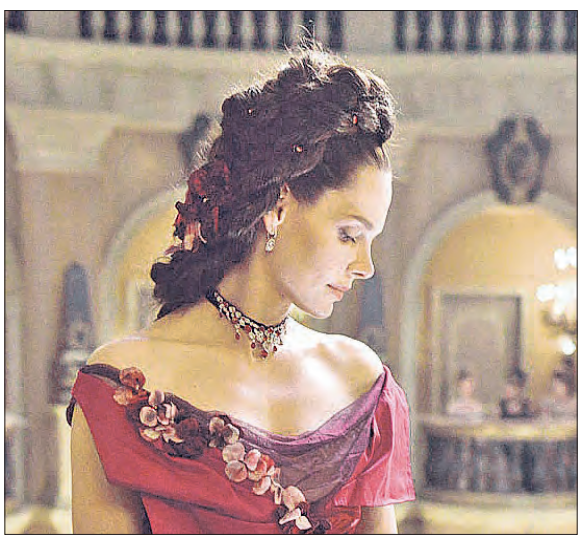
За «Лучшую мужскую роль в кино» был награждён **Евгений Миронов**. Конечно, Евгений Витальевич выдающийся артист, но с тем, что он во «Времени первых» сыграл лучше, чем другие номинанты (Александр Яценко в «Аритмии» и Владимир Вдовиченков в «Салюте-7»), большинство киноманов не согласилось – решения жюри в подобных конкурсах, это всегда плод компромиссов.

Я очень рад, что приз за «лучшую женскую роль в кино» получила великолепная **Ирина Горбачёва** за главную роль в «Аритмии», она обошла наших великих артисток Марину Неёлову («Карп отмороженный») и **Алису Фрейндлих** («Большой»); Алисе Бруновне присудили «Золотого орла» за лучшую женскую роль второго плана в том же «Карпе», жаль, что Марина Мстиславовна осталась без наград.

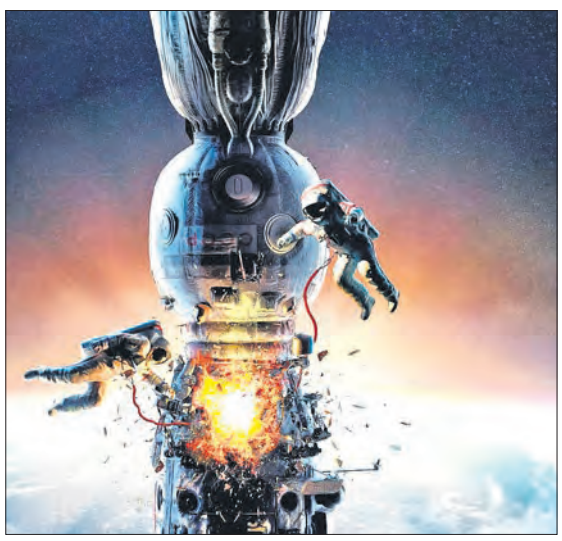
Отрадно, что не забыли другого замечательного русского артиста: **Владимир Ильин** получил своего «Орла» за роль второго плана – его Сергей Королёв во «Времени первых» был, безусловно, на первом плане. Он опередил Евгения Миронова («Карп отмороженный») и Александра Самойленко («Салют-7»).

Какой же вывод? Полагаю, что так называемое авторское кино, очевидно, отступает и будет всё больше уступать кинематографу, зрительскому, народному.

Александр Иванов



Елизавета Боярская (Анна Каренина)



Кадр из фильма «Салют-7»

ЛИТЕРАТУРА В ЯЩИКЕ

Он остался

Традиционно в двадцатых числах января вся страна отмечает день рождения Владимира Высоцкого. На Первом канале идёт «Колея», в которой известные артисты поют песни Высоцкого, выходят кинокартины с ним, фильмы и телепередачи о нём и его творчестве.

«Колея» с каждым годом раздражает всё больше, хотя артисты очень стараются. Они не виноваты, разве можно Высоцкого спеть лучше, чем он сам? Его называют великим актёром, великим поэтом и даже композитором. Но актёры были и посильнее, например, Евстигнеев, Ульянов. Да и поэты. Например, Есенин. Захар Прилепин в своей передаче на НТВ этой темы касался. Как и вопроса, почему именно Высоцкого, человека к тому же по крови не вполне русского, так любит русский народ, почему его знают больше, чем Василия Шукшина и Валентина Распутина?

ГКЦМ В.С. ВЫСОЦКОГО

Владимир Высоцкий: по-прежнему живой

Александр Рогаткин в своём фильме на «России 1» развенчивал представление, навязываемое политиками определённого толка, о том, что он был «жертвой тоталитарного режима». Приводились примеры того, что ему было позволено то, чем не мог похвастаться ни один советский артист и писатель. Слово давалось его ближайшим друзьям Валерию Янковичу и Михаилу Шемякину… Говорилось о том, почему его не печатали, как ему завидовали, о причинах смерти, об алкоголе и наркотиках.

Задавался вопрос: останется ли Владимир Семёнович в веках, как Пушкин, или в памяти только современников, как Утёсов или Шаляпин? – убедительного ответа не было. В блогосфере всё чаще встречается пастернаковское: «Его вводят, как картошку при Екатерине». Не думаю, пусть Высоцкому, как кому-то кажется, уделяется слишком много времени, всё лучше, чем какой-то очередной джигурде.

Алексей Соколов

ПРЕМЬЕРА

Неистовый Уинстон

„Тёмные времена“ пришли в российские кинотеатры

На экранах страны – фильм Джо Райта о выдающемся политическом деятеле Великобритании, бывшей во время Второй мировой войны союзником, а до и после – противником России. Не вся биография Черчилля явилась предметом художественного исследования британских кинематографистов, а всего один эпизод в мае 1940 года, но крайне важный в судьбе Уинстона Черчилля и всего Объединённого королевства.

Поражает, конечно, наша толерантная распахнутость для иностранных пропагандистских фильмов, таких, например, как фарс под названием «Смерть Сталина», которому непонятно почему выдано прокатное удостоверение (за два дня, правда, оно было отозвано), но «Тёмные времена» посмотреть стоит, хотя бы потому, что главную роль в этом фильме играет выдающийся английский актёр Гэри Олдмен. А учитывая неожиданно актуальную для нас идейную подоплёку ленты, я бы даже настоятельно рекомендовал её к просмотру.

Поначалу Олдмен, который всем хорошо известен по легендарному «Леону-киллеру», где он незабываемо сыграл оборотня-наркополицейского, здесь неузнаваем – потребовался сложный, пластический грим, в результате актёр непохож ни на себя, ни на Черчилля, но талант и блеск в глазах не спрячешь, постепенно мы так проникаемся проблемами нелепого старика, что забываем о толщинках, которыми облепили всё тело актёра, – за его персонажем, за этим раблезианцем-толстяком, выпивающим за завтраком и обедом по бутылке шампанского, а за ужином ещё поллитровку коньяка, и не вынимающим сигару изо рта, от кадра к кадру всё интереснее следить. Но причиной этого были не импозантность и диковинные причуды премьера Великобритании, а его внутренние метания, замечательно переданные актёром.

Что за метания человека, который в 65 лет в первый раз вдруг стал премьер-министром? Началась Вторая мировая война, и Германия в ней ошеломила своими победами весь мир. С одной стороны, Черчилль убеждён, что с таким чудовищем, как Гитлер, никаких компромиссов быть не может, с другой – его оппоненты в парламенте, которых он вынужден был включить в правительство, войны так боятся, что готовы пойти с Гитлером на любые договорённости, вплоть до фактической капитуляции. Невилл Чемберлен и лорд Галифакс отражают мнение большинства в британском истеблишменте: Британия к войне не готова, в Дюнкерке – катастрофа, надо спасать находящиеся под постоянным обстрелом на бельгийских пляжах 300 тысяч британских солдат, 60-тысячный гарнизон в Кале обречён, Франция не может противостоять Германии, США в войну вступать не хотят.

Уинстон Черчилль (Гэри Олдмен) в лондонской подземке

Черчиллю предлагают через Муссолини вести переговоры с Гитлером, он сомневается, нервничает, срывается на подчинённых, не находит слов, всё забывает, готов подать в отставку, грубит милой секретарше Элизабет (трогательная работа Лили Джеймс), которой мы сочувствуем (её брат пропал без вести в Кале), сочувствуем и мудрой любящей жене премьера Клементине (Кристин Скотт Томас). Актрисы в этом политическом фильме на небольшом пространстве, предоставленном сценарием, создают полноценную лирическую линию. Трепетную и нежную. Тем очевиднее становится, в каком раздрызге находится Черчилль, он не знает, как ему поступить, что говорить завтра в палате общин, и вдруг… к нему домой приезжает сам король! Отец нынешней королевы Великобритании Елизаветы Георг VI вообще-то поначалу не был близок с Черчиллем, но когда отечество в опасности, король, во-первых, отвергнув предложение эмигрировать в Канаду, принял мужественное решение остаться со своими подданными на атакуемом острове, во-вторых, решает оказать своему премьер-министру поддержку! Приезжает к нему ночью домой и советует послушать, что думают люди! Очевидно, что кинематографисты тут мощно нажали на патриотическую пропагандистскую педаль!

Уинстон наутро делает то, что посоветовал ему король – идёт в народ, впервые в жизни едет в метро и встречается там с обыкновенными англичанами-пассажирами. В вагоне поезда простые Смиты и Джоны, несколько ошалевшие от демократизма спустившегося к ним в подземку потомка герцога Мальборо, единогласно поддерживают Черчилля в решении вести бескомпромиссную борьбу с нацистами, они, как и их король, готовы нести все тяготы войны. И окрылённый народной поддержкой Уинстон Черчилль врывается в парламент, говорит свою блистательную историческую речь, в которой определяет военную стратегию королевства. И его поддерживает парламент.

Не знаю, был ли такой чудесный эпизод в истории лондонской подземки, но даже если и был, тут для меня художественная правда фильма закончилась, внутренний Станиславский заворчал: «Не верю!» Может быть, это «не верю» произошло потому, что сцена была недостаточно убедительно сыграна, но скорее из-за того, что в фильме вообще не нашлось места для отражения важнейшего обстоятельства в жизни предвоенной Англии. Очень большая часть народа и истеблишмента поддерживала Гитлера. Да, да! Многие британские аристократы и даже предшественник Георга VI, недолго царствовавший Эдуард VIII, симпатизировали фюреру. И понятнее становится, почему английский кабинет проводил политику «умиротворения» нацистской Германии, которая привела к позорному Мюнхенскому сговору.

Мы же увидели дистиллированный патриотический миф, который должен остаться в памяти у всех – о нерешительности, недальновидности, трусости Чемберлена, Галифакса и других и мудрости, отчаянной смелости и самоотверженности и единении с народом Черчилля и короля Георга VI, которые спасли Великобританию от нацизма.

Впрочем, итоговая мораль фильма не может не понравиться, она злободневна и для России. И, может быть, больше, чем для какой-либо другой страны. Цитирую великого британского политика: «Те, кто выбирая между войной и бесчестьем, выбирают бесчестье, получат и бесчестье, и войну».

А то, что британцы снимают качественные фильмы о лучших представителях и проявленных лучших качествах своего народа, – я имею в виду не только «Тёмные времена», но и «Дюнкерк», о котором мы недавно писали, восхищаясь тем, как там умудряются сделать отличный патриотический фильм даже о военной катастрофе, – достойно похвалы и подражания. И ещё. Если бы наши кинокомпании умели так, как британцы и американцы, навязывать свою продукцию иностранному зрителю, то им цены бы не было. Пока они нам.

Александр Кондрашов

СКАНДАЛ

Казус с фарсом

«Смерть Сталина» за два дня до премьеры лишили прокатного удостоверения.

Достаточно было посмотреть трейлер, чтобы понять, что этот британский фильм издевается не только над руководством СССР 1953 года, но и над всем советским народом, который совсем недавно спас мир, в том числе и Великобританию, от завоевания нацистами.

И вот в канун 75-летия разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом – вспомним восторженные поздравительные телеграммы Черчилля лидерам СССР! – наследники британского премьера создают картину, в которой высмеивают победителей и навязывают «Смерть Сталина» нашему прокату.

Карен Шахназаров в передаче Владимира Соловьёва говорил, что, может быть, как раз и надо показать эту бездарную, пропагандистскую поделку (есть и талантливые русофобские ленты – они опаснее) российскому зрителю, чтобы мы простились с иллюзиями и знали, как к нам на самом деле относятся. Он считает, что этот фильм возмутил бы и антисталинистов. И, действительно, решение об отзыве поддержали не только поклонники Сталина, но и сын Никиты Хрущёва, который в этом фильме самый мерзкий персонаж…

Но удивляет больше всего не то, что делаются такие фильмы, а то, что в условиях информационной войны, которая ведётся против нашей страны, российские дистрибьюторы суют их в российский прокат. То есть Россия сама предоставляет площадку, на которой её обливают дерьмом. Надеюсь, казус с британским фарсом натолкнёт соответствующих господ пересмотреть своё отношение к той кинопродукции, которую навязывают нашему рынку. «Тщательнее» отбирать надо. И тех, кто отбирает, – тоже.

Что ещё надо сделать? В той же передаче Михаил Веллер высказался за создание российских фильмов о нашей давней и недавней истории, его поддержал председатель общественного совета при Министерстве культуры России Юрий Поляков, охарактеризовавший фильм, как «целенаправленное глумление», в котором юмор основан на испражнениях, он сказал, что на нашем ТВ «нет линейки исторических фильмов». Вместо того чтобы делать бесконечные сериалы о ментах и бандитах, надо снимать наши версии ключевых событий российской истории. «ЛГ» говорит об этом уже давно, и какие-то сдвиги есть, иначе «Смерть Сталина» не вызвала бы такое возмущение.

А.К.

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Правда и вымысел о заградотрядах,

или Как героев превращают в антигероев

Приграничные бои, оборона Ленинграда, Одессы, Киева, Воронежа, бои за Кавказ и на Курской дуге – таков далеко неполный перечень сражений, в которых приняли участие войска НКВД. О боевых действиях внутренних войск в битве за Сталинград, фальсификации истории, известном приказе «Ни шагу назад!» рассказывает доктор исторических наук генерал-лейтенант Валерий Новожилов.

– Основу гарнизона Сталинграда составляла 10-я стрелковая дивизия НКВД. А какие ещё подразделения внутренних войск принимали участие в боях за город?

– Это были 249-й полк конвойных войск НКВД, 91-й полк войск НКВД по охране железных дорог, 73-й отдельный бронепоезд и 178-й полк войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности. Основные усилия 10-й дивизии направлялись на создание плотной сети оборонительных позиций. С этой целью построили 14 оборонительных районов. На окраинах и в черте Сталинграда отрыли противотанковые рвы, установили минные заграждения, построили баррикады и соорудили другие препятствия.

Превосходя советские войска в орудиях и миномётах более чем в два раза, в танках в четыре и в самолётах в два раза, противник с 15 августа 1942 года начал наносить удары по внешнему кольцу обороны города. И первыми эти удары приняли на себя воины внутренних войск…

– Расскажите о подвигах и героизме военнослужащих внутренних войск при обороне Сталинграда.

– Начать мне хочется со случая, когда наши воины разгадали хитрую уловку противника. Дело было 2 сентября. Две немецкие дивизии вышли на рубеж Верхняя Ельшанка – Садовая – Опытная станция и оказались перед оборонительными позициями 91-го, 271-го, 272-го полков войск НКВД и курсантами Сталинградского военно-политического училища. Разведывательные группы обнаружили противника, и враг подвергся огневому удару орудий и миномётов. Это несколько расстроило планы немцев, и они пошли на хитрость. Колонна переодетых гитлеровцев с развёрнутыми красными знамёнами и обозами двинулась к одной из высот, но наших воинов обмануть не удалось, по нацистам ударили из миномётов и обратили в бегство.

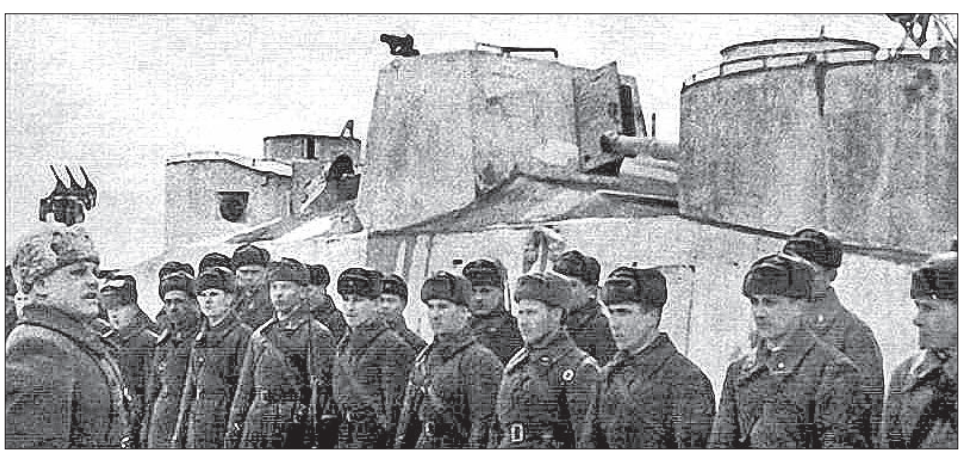
В те же дни военнослужащие 272-го полка под командованием лейтенанта Волкова, находясь в кольце врага, уничтожили до взвода противника, захватили два станковых пулемёта и миномётную батарею. 4 сентября участок обороны 3-го батальона был атакован пехотным батальоном противника, который поддерживали 37 танков. Несколько танков удалось подбить, но остальные продолжали двигаться вперёд. Видя это, младший политрук Яковлев взял две противотанковые гранаты и с возгласом: «Только вперёд, ни шагу назад, за Родину!» бросился под фашистский танк… Видя пример исключительного мужества и отваги, личный состав роты пошёл в контратаку, отбил натиск врага и удержал рубеж.

На следующий день в рукопашной схватке рота лейтенанта Волкова захватила 4 дзота, 10 станковых и ручных пулемётов, 17 автоматов и уничтожила до 100 немецких солдат и офицеров. В ходе боя подвиг совершил красноармеец Алексей Ващенко. Во время атаки под сильным огнём станкового пулемёта он с криком «За Родину!» своим телом закрыл амбразуру дзота, дав возможность развить атаку. За этот героический поступок Алексей Егорович Ващенко был награждён орденом Ленина. Ради исторической справедливости хочу отметить, что свой подвиг он совершил за полгода до Александра Матросова.

Несмотря на серьёзные потери, боевые действия 10-я стрелковая дивизия НКВД вела до середины октября, и лишь к 18 числу остатки её частей – всего 200 человек – были выведены на левый берег Волги. Частями 10-й дивизии было уничтожено более 15 000 солдат и офицеров противника, подбито и сожжено 113 танков, 8 бронемашин, 2 самолёта, 38 автомашин, 6 орудий, 2 склада с боеприпасами. За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные доблесть и мужество стрелковая дивизия НКВД была награждена орденом Ленина.

– А в наступательной операции войска НКВД принимали участие?

– Да, в составе 21-й армии воевала 63-я стрелковая дивизия, преобразованная из бывшей 8-й мотострелковой дивизии войск НКВД. В январе 1943 года



73-й отдельный бронепоезд НКВД

Бойцы внутренних войск НКВД в Сталинграде

в район Сталинграда прибыла 21-я бригада внутренних войск. Вместе с другими частями войск НКВД она приняла участие в охране тыла Донского фронта, ликвидации остатков армии Паулюса, последующем очищении Сталинграда от гитлеровской агентуры, конвоировании военнопленных, выполнении задач по несению гарнизонной службы.

– То есть муссирующаяся в некоторых СМИ информация о том, что войска НКВД якобы выполняли только карательные функции, – ложь?

– К сожалению, фальсификация истории достигла огромных масштабов. Вот, например, статья Дементьевой «Зачем России две армии?», опубликованная в «Новых Известиях»: «Наша история знала периоды, когда внутренние войска – тогда они назывались войсками НКВД – играли чуть ли не ведущую роль… Достаточно вспомнить известные заградотряды НКВД, силой оружия удерживавшие войска на поле боя в Отечественную и расстреливавшие тех, кто вынужден был отступать».

Хочу заявить с полной ответственностью, что этот домысел не имеет под собой никакого основания.

28 июля 1942 года был издан приказ народного комиссара обороны СССР № 227, более известный как «Ни шагу назад!». Именно с ним связывают появление и широкое распространение заградительных отрядов. Но им в приказе посвящён лишь один (!) абзац: «Военным советам армий и прежде всего командующим армиями: … б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной».

Мы видим, что формирование заградительных отрядов возлагалось на военные советы и командующих, то есть на армейские органы. Эти отряды не имели никакого отношения к войскам НКВД, комплектовались из личного состава стрелковых подразделений Красной армии. Расстреливать отступающих требовалось только «в случае паники и беспорядочного отхода», да и то лишь «паникёров и трусов». На массовые расстрелы – о чём пишут некоторые недобросовестные журналисты и историки! – это никак не похоже.

– Может быть, путаница произошла из-за приказа народного комиссара внутренних дел – а не обороны! – о создании заградительных отрядов войск НКВД по охране тыла?

– Нужно же понимать, что это совсем другие заградотряды, с совсем другими функциями и задачами! Да, 17 июля 1941 года народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия подписал приказ № 00941, предусматривавший формирование при особых отделах отрядов, укомплектованных личным составом войск НКВД, для несения заградительной службы против диверсионно-разведывательных групп противника и задержания дезертиров.

В докладе заместителя начальника управления особых отделов НКВД СССР комиссара государственной безопасности 3 ранга С.Р. Мильштейна приведены следующие данные: «С начала войны по 10 октября особыми отделами и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из числа задержанных особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт».

Таким образом, заградительные отряды войск НКВД по охране тыла действующей армии выполняли задачи по задержанию дезертиров, отставших от своих частей военнослужащих, диверсантов и шпионов в ближайшем от фронта тылу, а не «уничтожения отступающих» непосредственно на поле боя, как считает ряд авторов.

Несмотря на наличие в заградительных отрядах НКВД автоматического оружия, их посты и патрули вряд ли были в состоянии останавливать массы пехоты в случае беспорядочного отхода. Ни одному из исследователей военной истории не удалось найти архивных документов, которые подтверждали бы, что заградительные отряды во время боя стреляли на поражение по своим войскам. Наоборот, в критические моменты заградотряды часто сами вступали в бой с противником, успешно сдерживали его натиск и наносили ему ощутимый урон.

Беседу вёл
Николай Казаков

КЛУБ-206

Город сорока сороков

Как реализуется программа строительства в столице двухсот храмов

На третий день после Крещения Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения нового храма иконы Божией Матери «Воспитание» в Некрасовке. За восемь лет реализации программы возведены уже десятки храмов, но, как ни странно, сомнения в целесообразности появления новых церковных сооружений у некоторых жителей города остаются. И часто главный аргумент против строительства – бюджетные средства расходуются не по назначению. Но бюджетные ли это средства? На этот и другие острые вопросы пришлось отвечать пришедшему в редакцию Владимиру Ресину.

ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ

На встрече с редакцией «ЛГ»

Сергей Сатин, *администратор «Клуба 12 стульев»:*

– Строительство 200 новых православных храмов – это, конечно, дело богоугодное. В конце концов Москва – это город сорока сороков церквей. Но не проще ли отреставрировать старые? И вот что ещё смущает: соотношение представительств разных конфессий. Христианских храмов в Москве, если включить сюда католические и иные, например, храм Ассирийской церкви Востока, явно несколько сотен, а может, даже и больше. Ассирийцев в Москве, согласно переписи 2010 года, всего чуть больше двух тысяч. Синагог, хотя евреев гораздо больше, – пять, мечетей, увы, только четыре на миллион мусульман. Согласитесь, не совсем пропорциональное соотношение. И второй вопрос: действительно ли строительство православных храмов субсидирует только РПЦ, а город не бюджетирует?

– Чтобы не было кривотолков, скажу сразу – вся программа реализуется целиком на народные деньги. Как и строительство культовых сооружений других конфессий. Ни копейки бюджета здесь нет. Деньги собирают благодетели – простые прихожане. За 2017 год ещё не подвели итоги, в 2015-м было собрано и освоено 3,5 млрд. рублей, в прошлом примерно столько же. Возведено более 60 храмовых комплексов, столько же в работе, установлено 108 деревянных часовен.

Главный смысл – создать приход, который будет строить. Невозможно, чтобы человек ехал помолиться в храм Христа Спасителя, в центр города, если он живёт где-нибудь в Ясеневе, или в Бирюлёве, или в Тёплом Стане. До революции в столице было по храму на каждые полторы тысячи населения, сейчас Москва стала больше в разы, и стоит задача – хотя бы оторваться от последнего места по России и выйти на отметку: один храм на 25–30 тыс. христиан.

Что касается реставрации старых церквей в спальных районах Москвы, возникших на месте подмосковных деревень. Там были небольшие деревянные, иногда каменные, часовни или маленькие храмы, которые вообще пришли в негодность. В советские годы многие использовались как склады или скотные дворы. Поэтому там, где это возможно, идёт восстановление. Я же говорю о районах с полумиллионным населением. Например, Бутово. На 400 тысяч человек – не было ни одного храма! Не считая одного маленького деревянного. Но разве его достаточно? Или Жулебино, на 200-тысячный район – ни одной церкви.

Был недавно на освящении святейшим патриархом храма в Алтуфьеве на 500 прихожан. Храм был переполнен, люди на улице стояли. Когда ещё шло строительство, ко мне подошёл пенсионер. Говорит, вы себе даже не представляете, раньше здесь, чтобы яйца освятить или кулич, очереди были, как в советское время в Мавзолей Ленина.

Каждая религия заслуживает уважения. И все конфессии сами себе строят: РПЦ, иудеи, мусульмане. Дело в том, что местные жители сами решают, какой храм строить. Вот в Митине отвели место под мечеть, а люди не восприняли. Ну что поделаешь? Общественное мнение – есть общественное мнение. В некоторых местах и против строительства храмов выступают, хотя в Москве 80% населения – это русские, христиане.

Мы же строим для москвичей. И с их мнением должны считаться. Будучи евреем по национальности, я занимался строительством и храмов, и синагог, и мечетей. Сейчас мой преемник на посту руководителя строительного комплекса Москвы мусульманин, татарин, точно такую же политику ведёт. Хватает ли мечетей, могут определить только сами мусульмане-москвичи. В Москве есть такие места, где можно начать строить и где народ не возражает.

Евгений Федоровский, *фотокорреспондент:*

– Расскажите, пожалуйста, о реставрации памятников архитектуры. Иной раз, идёшь по Москве, и сердце просто кровью обливается – какие красивые особняки, с колоннами, с историей, и заброшены, обшарпаны…

– Раньше я занимался этими вопросами шире, сейчас как советник патриарха курирую только реставрацию памятников, связанных с церковью. Уже восстановили храм около Новодевичьего монастыря, который снёс Наполеон в 1812 году, сейчас там идут службы. В декабре, например, проводил оперативку в Зачатьевском монастыре, приехал даже замминистра финансов. Памятник культурного наследия в самом сердце Москвы, всё требует детальной проработки, в первую очередь надо провести археологические раскопки. Деньги выделяются и городом, и Министерством культуры, есть и благотворительные взносы. Многое делается. Не так быстро, как хотелось бы, но делается.

Мне кажется, исторический центр мэру города Сергею Собянину с его командой удалось привести в порядок. Всего не охватишь сразу, но составлена программа (как её сейчас называют «дорожная карта»), и всё идёт по плану. За 7 лет Москве удалось отреставрировать почти тысячу памятников архитектуры. Отремонтировать фасады ещё 8 тысяч зданий. Власти Москвы стремятся создать в городе такие условия, при которых бы история и современность гармонично сосуществовали.

Александр Кондрашов, *редактор отдела «ТелевЕдение»:*

– Владимир Иосифович, вы участвовали в сносе пятиэтажек. Почему тогда не было такого шума, как сейчас, по поводу реновации, таких протестов? Хотя планы, как я понимаю, были на порядок выше.

– Знаете, тогда жизнь заставила. Люди жили очень тесно. И ни копейки денег в бюджете на капитальный ремонт. А земля, участки были. Такую форму изобрели: квартира на квартиру. Построили жильё и улучшили условия для 350 тыс. москвичей. После той, первой реновации люди увидели все и плюсы, и минусы программы. И уже сейчас, когда вышли на её продолжение, сказали: да, но, пожалуйста, учтите это и это. Комфортность, удобства и так далее. И они правы! Тогда экстремальная ситуация была, и мы действовали в какой-то мере «по понятиям». А сейчас это уже закон, в котором постарались учесть всё. Мне кажется, это огромный прорыв.

Людмила Мазурова, *редактор отдела «Общество»:*

– Насколько, как вы считаете, оправдал себя принцип долевого строительства, учитывая огромное количество обманутых дольщиков? Почему бы государству не выдавать кредиты под 1%, например, как это было в 45-м году после окончания войны?

– Миллионы квадратных метров жилья построены по этой формуле, и если в процентном отношении брать обманутых дольщиков, то это мизер. Главный её минус в том, что вся ответственность при этой схеме лежит на дольщиках. Ты внёс деньги, и перед тобой отвечает лишь застройщик. А у него в уставном капитале 10 тыс. рублей. А если он завтра заболел какой-нибудь неизлечимой болезнью? Надо переходить на проектное финансирование, на котором работает весь мир. То есть вся ответственность лежит на банках. Банк берёт деньги у населения, финансирует строительство и несёт ответственность за него. Недобросовестный застройщик в этой схеме деньги за невыполненную работу не получит. Сейчас взял у дольщиков деньги и направил их в какое-то другое место. Кто там его проверит? Рядовой дольщик этого сделать не может. А потом государство должно выручать. И Москва вынуждена достраивать дома обманутых дольщиков с другими застройщиками.

Максим Замшев, *главный редактор «ЛГ»:*

– Владимир Иосифович, последний вопрос. Какой район и маршрут в Москве ваш любимый?

– Я сам не москвич, меня привезли сюда 78 лет назад, мои родители из Минска. Мы жили долгое время на Сельскохозяйственной улице, рядом с ВДНХ. Поэтому всё-таки у меня тёплое чувство к этой улице Москвы, ну и, конечно, к Белоруссии, и к Минску. В Москве окончил Горный институт им. И.В. Сталина, работаю с начала 1965 года. В Медведкове строил, в Отрадном, в Ясеневе, в Тёплом Стане, в Черёмушках. Конечно, есть к чему-то симпатия. Но я бы связывал её не с районом, а с сооружениями. Моя юность прошла около ВДНХ, киностудии Горького и ВГИКа. Если говорить об учёбе, то это Октябрьская площадь, Горный институт. А самые важные для меня объекты – храм Христа Спасителя, Поклонная гора, Большой театр. На Поклонной горе «зелёные» нашли где-то холм (фактически его там не было, строители земли насыпали), на котором якобы Наполеон ждал ключи от Москвы. Помню, по закрытой связи где-то уже вечером звонит Ельцин: немедленно остановите строительство. Десятка два башенных кранов, тысячи людей и серьёзное бюджетное финансирование. Я так расстроился, что попал в больницу. Потом, став президентом, Ельцин приказал всё нам же и достроить.

Пятиэтажки. Мы снесли шесть с лишним миллионов квадратных метров этих пятиэтажек и построили вместо них целые микрогорода. Применяли новые конструкции, технологии. Сейчас главные цели и задачи – это строительство храмов. Москва мне очень дорога, это город, которым можно восхищаться.

Подготовила
Оксана Судьина

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Владимир Иосифович Ресин в течение 23 лет возглавлял строительный комплекс в правительстве Москвы. Под его руководством возводились храм Христа Спасителя, торгово-рекреационный комплекс «Охотный Ряд» на Манежной площади и Гостиный Двор. Депутат Государственной Думы VI и VII созывов, с января 2012 года – советник мэра Москвы, советник патриарха Кирилла по строительству и куратор программы по возведению в Москве новых православных храмов.

НА ПОЛЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москвичи и немосквичи

Никто и не заметил, что за 15 лет провинция приблизилась к столицам

На заре туманной молодости я возвращался из южной командировки поездом Сухуми–Москва. Рано утром постучал в купе проводников и попросил чаю. Невыспавшаяся проводница пробурчала:
– Ходют тут всякие.... Русские, татары, москвичи...
Таким, видно, было её понимание национально-территориального деления СССР. Очень мило! А мне так и смешно. Я тогда проживал ещё в Киеве и даже не знал, что скоро окажусь в Москве, но разве не приятно почувствовать, что выглядишь как москвич? И в чём-то проводница была права: тогда Большая Страна и Москва были во многом сами по себе... Москва являлась центром притяжения во всём. Была символом благополучия, удачи, невероятных возможностей. А что теперь?

Разница между провинцией и центрами только росла, особенно в 90-е годы. Все мы к этому так привыкли, что по инерции полагаем, что и противоречия между центром и провинцией только усилились.

А вот и нет!

Сначала собственные – не социологические – соображения. Когда бываю в подмосковных городках или среднерусских райцентрах типа Кинешмы, вижу: как же многое поменялось, насколько они стали аккуратнее, комфортнее, чище! Есть жизнь за МКАДом! А если переехать через границу с Украиной, минуя Белгородскую область, и оказаться в украинской Сумской области, сразу расстроишься: после летучего автобана будто попадаешь на разбитый танкодром, окружённый пустеющими сёлами.

Много изменений в уральских городах и посёлках, в Сибири. А как похорошел Владивосток, где я побывал пару лет назад после долгого перерыва. Уж не говорю о пригородах Северной столицы, где лет 10–15 назад царили грязь и разруха.

Конечно, это поверхностный взгляд, и ситуация далека от того, чтобы воскликнуть: всё тип-топ! Многое требует приложения ума и рук. Но картина явно изменилась и продолжает меняться.

Это подтверждается данными капитального исследования, которое в сотрудничестве с немецким Фондом имени Фридриха Эберта провёл Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (вместе с Институтом социологии, как его части). Называется исследование «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность. Пятнадцать лет спустя». То есть добротный анализ сделали видные специалисты-социологи не просто с бухты-барахты, а на основе сопоставления с тем, что было полтора десятка лет назад. А это уже другой коленкор.

Объём выборочной совокупности исследования, если говорить по-научному, весьма корректен: это 2000 респондентов взрослого населения в возрасте 18 лет и старше. По всем канонам убедительная работа, а не просто прикидочный срез. Охватили и административные центры регионов РФ, и центры районные, и посёлки городского типа, и сёла. Возглавлял работу всемирно известный специалист, академик РАН Михаил Константинович Горшков, по-простому, главный социолог страны.

Какие же можно сделать выводы? Скажу сразу, что они многих, даже людей знающих, сильно удивили в ходе представления доклада. А то!

Вот 15 лет назад было выявлено, что границы между благополучными и неблагополучными районами проходят почти ровнёхонько вдоль границ между столицами (включая и столицы регионов) и остальными территориями (типа той же Кинешмы, не говоря уже о дальних, например, хабаровских, землях). Теперь вопиющей разницы нет, хотя положение остаётся сложным и, более того, негативные последствия кризиса 2014–2016 годов больнее всего ударили по столичным жителям, а не по жителям глубинки. Москвичи трудятся больше других (в среднем 10 часов в сутки), а доходы их только сокращаются. Как бы чувствуя это, число желающих переселиться в столичные центры стремительно идёт на убыль. Кстати, в Москву теперь выгоднее приезжать с рабочей профессией, а не с «интеллектуальной».

К этому добавляется, что почти всюду, какой бы медвежий уголок мы ни взяли, его жители всё меньше ощущают себя в отрыве, так сказать, от цивилизации. Социологи констатируют, что за четверть века в стране произошла информационная революция. Иными словами, информационные технологии, а не, слава богу, один только телевизор, охватили, по сути, всю страну. Резко повысился возраст «охваченных» ими. В столицах, представьте, это касается граждан в возрасте до 70 лет и даже старше, в провинции ниже – около 50–60 лет. То есть, по старинным меркам, бабушки и дедушки всё быстрее переходят на «ты» с гаджетами. Поэтому не обязательно, если видишь в метро немолодого человека, отсылающего кому-то смс с помощью смартфона, это пожилой москвич с Малой Бронной. Вполне возможно, это приезжий шлёт сигнал внуку куда-нибудь в Верхоянск.

Разительные перемены произошли за 15 лет в сфере внутренней миграции. Социологи констатируют: приходит поколение, которое, в отличие от своих кочевавших или ещё кочующих родителей (предшественников), всё больше настроено стабильно, не дёргаясь, жить на малой родине. Они видят, что и в отчем доме можно чувствовать себя уверенно, комфортно и самореализовываться.

Одним из ключевых пунктов сравнительного анализа стало то, что выявились серьёзные изменения в восприятии жителями столиц и провинции устойчивого образа друг друга. Я сразу вспомнил свою проводницу из поезда Сухуми–Москва, во всём поведении которой сквозило смешанное чувство зависти и неприятия столичного оболтуса, требующего от неё в ранний час стакан чая. Сейчас исследование выявило существенное смягчение противоречий между столичными гражданами и провинциалами. Хотя отношение к Москве ещё носит двойственный характер. И у представителей разных поколений оно своё. Молодёжь чаще воспринимает Москву, как благополучный город с множеством возможностей для приятного отдыха и развлечений, а вот старшие видят её как центр культуры (а не исключительно «хлебное место»).

Однако, если брать досуговую составляющую, картина в целом плачевная. Всё более и более идёт, как выражаются социологи, опрощение досуга, как оборотная сторона перегрузок (изнурительная работа, время в дороге). Высокая культура не столь востребована, хотя нам подчас стараются внушить

Москва-Сити

обратное. Быстрее, чем в регионах, в столичных центрах происходит девальвация семейных ценностей, всё меньше рождается детей (если брать относительные цифры) – на главное занятие, увы, не хватает времени и сил. В семьях всё чаще заметна архаизация отношений. Правит или тот, кто старше возрастом, или основной добытчик финансов. Всё реже совместно вырабатываются решения, всё реже «совет да любовь», углубляется внутрисемейная отчуждённость.

На этом фоне в провинции ощутимо ослабли позиции некогда доминировавшей установки, что «Москва богатеет за счёт регионов». В глазах же столичных жителей (видимо, сильно уставших от пробок и суеты) образ российской провинции всё более позитивен. Например, вдвое больше стало тех, кто считает, что и в провинции можно жить хорошо. При этом формируется новое противоречие вокруг вопроса: «Где же находится «настоящая Россия»?» А ведь и правда, на него не так просто теперь ответить... Хотя просто посмотрите на карту всей страны и больше спрашивать об этом не будете.

Всегда важен вопрос самореализации. И тут растёт число тех, кто полагает: шансы для продвижения по службе, обретения любимого дела, которое бы не тяготило, а радовало, всё больше уравниваются – можно «найти себя» и в мегаполисе, и в глубинке. При этом всё более превалирует осознание, что ситуация в столицах меняется к худшему. И это уже не интуитивное ощущение нас, столичных жителей, страдающих от того, что Москва, допустим, просто безумно разрастается и границы «новой Москвы» скоро протянутся чуть ли не до Атлантики, а итог сравнительного анализа, против чего не попрёшь.

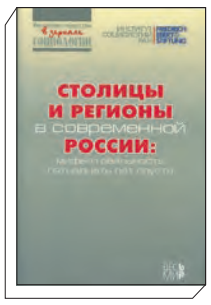
Почему бы властям – и городским, и федеральным – не обратить на это внимание? Наверное, если бы все сгрудились в Москве и вокруг неё, то руководить было бы сподручнее. Но к этому ли надо стремиться?

Описывая своё понимание жизненного успеха, жители столиц и регионов становятся ближе в оценках, хотя сохраняются и различия. Провинциалам важно создать свой комфортный микромир, и это связано прежде всего с семьёй, решением жилищной проблемы и возможностью вести спокойный образ жизни. А вот жизнь в столицах представляется россиянам дающей больше шансов найти работу, да ещё и с возможностью получить в один прекрасный день какой-то властный ресурс. Значит, в итоге достичь большей свободы и разнообразия в жизни. Для всех – и в центрах, и в регионах – важным является надёжное социальное окружение: семья и друзья, а также интересная работа. При этом Москва всё более утрачивает статус «города шансов».

За минувшие 15 лет произошло сближение политических позиций жителей страны, более доминирующим всюду становится традиционалистский тип личности. Особо примечательно, что москвичи остаются в большей мере, чем граждане других регионов, близкими к стереотипам либералов, но это уже совсем не то, что было десяток лет назад. Похоже, персоны типа Навального сыграли роль, которую и сами бы себе не пожелали. Но народ у нас, оказывается, зоркий, на дешёвые лозунги и обещания «простых решений» покупается всё реже. Москвичи и жители Санкт-Петербурга всё более склоняются к государственничеству и почвенничеству.

В этом смысле интерес представляет и выявившаяся картина внешнеполитических предпочтений россиян. Растут антизападные настроения, что стало реакцией на поведение западных партнёров, их лицемерие, приверженность двойным стандартам, стремление столкнуть лбами, по сути, братьев по крови, как произошло на Украине. Свою роль сыграла и вакханалия вокруг обвинений в применении допинга, когда преступниками объявляют без разбора и особых доказательств едва ли не одних только русских спортсменов. Сильный негативизм к «Западу вообще» в столицах смягчается, правда, более умеренным отношением к каким-то конкретным странам, даже к США. Ведь у многих там друзья, коллеги по работе, партнёры, даже родственники.

Конечно, важно понимать, как себя чувствует человек в социально-психологическом плане. И здесь состояние наших граждан, особенно в регионах, скорее благополучное. Более подавленными чувствуют себя в силу ряда причин люди пенсионного возраста, особенно в



Столицы и регионы современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя

М. Весь мир 2018

312 с. 1000 экз.

Соотношение возможностей реализовать жизненные цели в семейной сфере в разных типах поселений, май 2017 г., %

Соотношение	Столицы		Города других типов		Сёла
	2003	2017	2003	2017	2017
Встретить любимого человека и создать счастливую семью					
Больше в столицах	22	10	6	7	7
Больше в провинциях	4	4	13	9	10
Равные возможности	64	78	69	75	75
Затруднились ответить	10	8	12	9	8
Воспитать хороших детей, ограждённых от дурного влияния					
Больше в столицах	10	7	8	8	6
Больше в провинциях	22	22	30	21	24
Равные возможности	56	60	55	62	63
Затруднились ответить	12	11	7	9	7

Динамика представлений жителей столиц и регионов о жизненном успехе, 2003/2017 гг., % (городское население, отранжировано по оценкам жителей столиц в 2017 г.)*

Элементы жизненного успеха	Столицы		Регионы	
	2003	2017	2003	2017
Наличие семьи и детей	70	53	68	66
Интересная работа	55	53	55	47
Наличие надёжных друзей	57	47	55	41
Возможность быть самому себе хозяином	36	38	28	24
Яркие жизненные впечатления	30	35	21	28
Честно прожитая жизнь	32	30	40	31
Уважение окружающих	48	28	48	40
Возможность жить не хуже других	27	19	32	26
Высокая должность	6	17	9	15
Наличие престижной собственности (иномарка, коттедж и т. п.).	13	12	10	11
Быть первым во всём, что мне кажется важным	5	12	5	10
Богатство	21	11	20	17
Достижение известности, популярности	4	5	2	6
Победа над своими врагами	2	3	3	5
Обладание властью	2	1	3	5

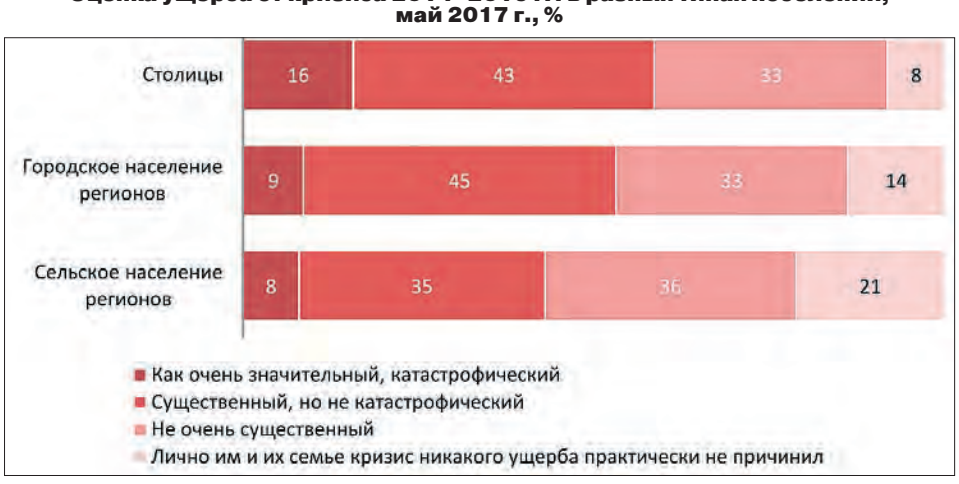
*Фоном выделены изменения качественного характера.

Различия между сторонниками либеральной и государственнической идеологий*

Критерии различий	Взгляды либералов	Взгляды государственников
Оценки внутрироссийской ситуации		
Оценка современной ситуации	Ситуация опасная, требующая смены правительственного курса	Ситуация очень опасная, требующая сплочения нации
Оценка тенденций изменения ситуации	Опасности сохраняются	Опасности растут
Оценка главных социальных противоречий	Между гражданами и «властью»	Между патриотами и антипатриотами
Оценка необходимости перемен в стране	Необходимы существенные перемены	Необходима стабильность
Оценка взаимоотношений столицы и регионов	Регионы должны опираться на собственные силы	Центральное правительство должно перераспределять доходы регионов
Отношение к российской цивилизации	Критическое	Положительное
Оценки ситуации за рубежом		
Отношение к конкретным зарубежным странам	Положительное к странам Запада и их союзникам, критическое – к их оппонентам	Критическое к странам Запада и их союзникам, положительное – к их оппонентам
Отношение к западной цивилизации	Положительное	Критическое

* Критерии различий иерархизированы по степени нарастания уровня абстрактности – от оценок текущей ситуации в России и отношения к отдельным зарубежным странам до отношения к российской и западной цивилизациям в целом.

Оценка ущерба от кризиса 2014–2016 гг. в разных типах поселений, май 2017 г., %



Кинешма, городок на Волге

столичных центрах. Заметна также растущая неудовлетворённость москвичей своим социальным статусом и возможностями открыто выражать политические взгляды. Причины понятны: сильно ухудшилась ситуация с заработной платой в период кризиса, всё глубже социальное неравенство – особенно в доходах. И как тут жить и действовать? Это весьма тревожные сигналы.

Между тем, если социологически оценить картину, можно уверенно говорить, что в целом население России скорее довольно своей жизнью, чем не удовлетворено ею. А вот и основной вывод, который представляют социологи: раскола между столицами и провинцией в России нет.

Авторы исследования сами не ожидали чего-то подобного и были немало удивлены неожиданными открытиями.

Я слушал их, тоже удивляясь и недоумевая: вот она, сложная, разнообразная, но реальная жизнь страны. А нам каждый вечер по главным телеканалам показывают каких-то мнимо изнасилованных девиц, наловчившихся зарабатывать на угрозах посадить «обидчиков», или копаются в похождениях многочисленных «рабынь любви»...

Их подают чуть ли не как символы новой российской реальности, образы нынешнего состояния нашего народа! Исподволь учат: обманывай, продавай себя дороже, упекай ближнего хоть в тюрьму, хоть на тот свет... В ходу все 10 заповедей, только с обратным знаком... Было раньше такое выражение в народе: поганят душу. Сейчас выражение не применяют, но телепроцесс идёт...

Подлинная жизнь, изменения, которыми живёт ныне Россия, отражены в цифрах и диаграммах, часть которых размещена на этой странице. Конечно, скучноваты они по сравнению, например, с «душераздирающей» историей 14-летней мамочки, тест на отцовство дитяти которой брали у половины мужского населения её родной деревни, включая 90-летних стариков.

Но если хотите узнать, что на самом деле у нас происходит, всё-таки всмотритесь в цифры и графики. С ними трудно спорить. Они – как детектор лжи. Правда о происходящих процессах выявляется, как её ни пытаются по-своему подать и за рубежом, предъявляя России и её лидеру всё новые обвинения, и внутри страны, когда говорят, что всё не то и не так...

Увы, сегодня социологи на телеканалах – гости редкие. А почему бы не пригласить учёных-социологов и обычных жителей столиц и глубинки, не дать яркие картинки обыденной жизни, которой живут миллионы соотечественников? Таланта не хватает? Или просто нет желания этого касаться?

Кстати, с помощью того же телевидения мы всё более привыкаем, что Запад, Европа, в частности, – нечто совсем уж «загнивающее», но и это стереотип. Есть ведь Европа реально просвещённая и не враждебная. Руководитель представительства Фонда имени Фридриха Эберта в РФ Мирко Хемпель, отзываясь о работе наших социологов, не без эмоций заметил: «Многое из того, что выявлено исследованием, характерно и для нас в Европе. Мы обсудим выводы русских учёных с коллегами из других стран. Совершенно очевидно и то, что в России за 27 лет произошло колоссально много изменений к лучшему».

Да, трудно оспорить, что страна, особенно за период президентства Владимира Путина, сильно изменилась. И чем более очевидны эти перемены в сознании людей и их реальной жизни, тем истеричнее (что даже социологически зафиксировано) объявление всего этого «пропутинской пропагандой».

Изменения подчас противоречивы, не всегда в плюсе, о чём говорит и это исследование, но страна – если брать её в совокупности от больших городов до горных аулов – сделала немало шагов вперёд. Руководитель соседней державы, который всё прощается и никак не распростится с агрессивной «немытой Россией», похоже, уже сам не понимает, о чём говорит. Несмотря ни на какие санкции, обретающие почти маниакальный характер, Россия всё более комфортна, целостна и внутренне солидарна.

Это ещё раз подтвердило исследование учёных Федерального социологического центра РАН. И это главный политический итог исследования.

Хотя внимательное изучение динамики столичной и провинциальной жизни за последние 15 лет подводит и к другому важному выводу: растущее неравенство в доходах, бедность, ощущение несправедливости происходящего, смутные перспективы у молодёжи требуют существенной корректировки позиции правительства, всех властных структур во внутренней политике.

Если этого не произойдёт, следующий социологический замер российской реальности может дать иные результаты. И они вряд ли порадуют.

Владимир Сухомлинов

ДНЕВНИК УЧИТЕЛЯ

Во всяком человеке... таится зверь?

Почему дети порой так жестоки

Все мы хорошо понимаем значение старого русского слова «травля». Но в последнее время в школьной психологии всё чаще употребляется слово «буллинг» (от англ. bullying), означающее «агрессивную психологическую и физическую травлю одного ребёнка другим или группой лиц».

Русская пословица гласит: «Хоть горшком назови, только в печь не ставь». Но в том-то и дело, что называемое сегодня иначе явление по-прежнему «стоит в печи», то есть является «горячей точкой». Я не понаслышке знаю, что такое буллинг. Будучи ученицей 8-го класса (самый уязвимый, ибо подростковый, возраст!), я испытала его, что называется, на собственной шкуре.

Мы тогда переехали в другой район Москвы, и я перешла в новую школу (кстати, образцово-показательную), где весь класс, подстрекаемый несколькими «лидерами», ополчился против меня. За что? За то, что не такая, как все: на уроках – пятёрки, на переменах – книжки, в драмкружке – главные роли. Издевались изощрённо и методично. Мама пошла к директору, но тот решил не выметать сор из избы, чтобы не портить школьные показатели, и посоветовал перевести меня в другую школу. В другую, то есть в прежнюю, в противоположном конце Москвы, мама меня перевела, но перед этим я три месяца пролежала в подростковом психоневрологическом диспансере.

Травля процветала в школе и в XIX веке, и в XX (кадр из фильма «Чучело», 1983 г.)

Прошли, как пишут в киношных титрах, годы. Изменилось время, изменилась страна. Но и в конце XX века, теперь уже моего сына, тоже травили в школе. Он ничего мне не рассказывал. О травле, которой он подвергался, я узнала, когда он уже был студентом.

О школьном буллинге вообще предпочитают помалкивать. Эффект разорвавшейся бомбы произвела повесть В. Железникова «Чучело» и снятый по ней Р. Быковым фильм, хотя классический пример буллинга есть у Достоевского в «Братьях Карамазовых» (травля Илюшечки Снегирёва). Как негодовала тогда школьная общественность: директора, учителя, воспитатели! (А я ловила себя на мысли, что это фильм про меня!)

И вот на дворе XXI век. И если кто-то считает, что буллинг – пережиток нашего тоталитарного прошлого, он глубоко заблуждается. Буллинг жил, жив и будет жить.

Почему? Чем объяснить неистребимость этого явления?

На недавней педагогической конференции я, отвечая на этот вопрос, сказала, что ребёнок рождается не ангелом, а зверем и наша задача пробуждать в нём «чувства добрые». Боже, что началось после моим слов. Ребёнок-зверь! О ужас! И это говорит педагог, поэт!

А между тем ещё опять-таки Достоевский – устами своего героя (и не только, а и в «Дневнике писателя», то есть от первого лица) утверждал: «Во всяком человеке... таится зверь... зверь сладострастной распаляемости от криков истязаемой жертвы».

Это в природе человека. Это, к сожалению, вечное. Люди (и дети, в частности) любят сбиваться в стаи и клевать «белых ворон». Это нельзя изменить – с этим нужно работать. Важна и работа, так сказать, по «факту», и профилактическая.

Мы учителя-словесники. У нас в руках величайший инструмент – русская (и не только) литература. Работая с детьми разных возрастов, я непременно читаю «Чучело», «Повелителя мух», показываю фильмы «Класс» и «Пиф-паф, ты мёртв». Но главное – говорю о ценности абсолютно каждой человеческой личности. О том, что даже если тебя травили, ты этого делать не должен.

И призываю своих учеников – не вслух, не при всём классе, а внутри себя! – дать себе Ганнибалову клятву, ту самую, которую когда-то дал себе юный Тургенев, подвергавшийся буллингу со стороны собственной матери: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что я возненавидел... против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примириться...»

Ребёнок рождается зверем, или, если угодно, животным, но в наших, учителей – и его собственных! – силах сделать его если не ангелом, то человеком.

Инна Кабыш

P.S. В воскресенье прекрасная поэтесса, наш постоянный автор Инна Кабыш отметила свой юбилей. «ЛГ» присоединяется ко всем прозвучавшим в этот день поздравлениям и желает верному другу газеты крепкого здоровья, личного счастья, неисчерпаемой энергии и благоволения фортуны. Пусть судьба будет благосклонна к Вам.

ЗРИ В КОРЕНЬ

Если высшая школа не на высшем уровне,

или Так сколько же букв в испанском алфавите

Пройдя полный курс испанского языка в Институте Сервантеса (учебное заведение Министерства образования, культуры и спорта Испании), я навсегда запомнила, что в этом языке алфавит состоит из 27 букв. Однако неделю назад, пересмотрев в одном из книжных магазинов более 20 учебных пособий и словарей, пришла к ошеломляющему открытию: в разных учебниках количество букв в алфавите колеблется от 27 до 30.

Впрочем, и цифра 27 – это ещё не гарант правильности. Так, например, А.И. Лахаева («Испанский язык. Самоучитель»), С.А. Матвеев («Быстрый испанский») и О.В. Серова («Современный испано-русский и русско-испанский словарь») ввели в алфавит «erre doble» (двойное эррэ) как букву. Но такой буквы никогда не было.

Сочетания «ch» и «ll» исключены из испанского алфавита как самостоятельные буквы ещё в 1994 году. Между тем есть российские учебники, в которых до сих пор не учтены эти изменения (например, М.Д. Абрамова «Испанский без репетитора», И.А. Дышлевая «Курс испанского языка» и все перечисленные выше авторы). В ряде учебных пособий в алфавите отсутствует буква «W».

В «Испанско-русском словаре современного употребления» (А.В. Садикова, Б.П. Нарумова) увидела слово «paro» в значении «синица». Однако, согласно словарю Королевской академии испанского языка, paro – это не «синица», а «родовое название различных птиц семейства синицевых». Слово «коршун» в «Большом русско-испанском словаре» под редакцией доктора филологических наук Г.Я. Туровера переведено как «halcón», хотя «halcón» по-испански – сокол. В результате в переводе Энрике Мойа Каррион, воспользовавшегося этим словарём, царевна-лебедь в «Сказке о царе Салтане» бьётся с соколом.

Дело доходит до смешного: на обложке словаря, составленного О.А. Серовой, написано «moderna diccionario». Два слова – две ошибки. Мало того что нарушена последовательность слов, слово «diccionario» («словарь») – мужского рода, поэтому и прилагательное к нему должно быть мужского рода – «moderno», а не женского, как написано на обложке. Держу пари, что нашего разведчика в Испании, кем бы он ни представлялся, выдаст не произношение, а прежде всего ошибки того словаря и тех учебников, по которым он учил язык.

«Таня, объясни русским филологам, что идиома и фразеологизм это не одно и то же», – попросили меня испанские преподаватели в Саламанке. Но каким образом я могу это сделать, если печатный орган направляет мою статью рецензентам, а рецензенты есть не кто иные, как составители этих самых словарей и учебных пособий. Кто ж из них против себя позволит что-то сказать?

Книга с результатами моих исследований была выпущена испанским издательством на испанском языке и распространилась по всему миру. И только в России я не могу опубликовать ни строчки, потому что инквизиторы от российской науки не позволяют инакомыслящим ни печататься, ни выступать с докладами на научных конференциях.

Может, рецензенты боятся, что зарубежные коллеги уличат их в низком профессионализме, как это было однажды, когда аспирантка одного из высших учебных заведений Москвы выступала с докладом в Институте Сервантеса по творчеству Хавьера Мариаса? Девушка даже не догадывалась, что доклад, который она делала на испанском языке, не понимал никто. Думаю, если бы наши российские преподаватели подтвердили свои знания в Институте Сервантеса, наших студентов понимали бы везде. И вообще экзамен по любому языку можно сдать в соответствующей стране и получить диплом. Именно диплом, дающий право на преподавание, а не сертификат, подтверждающий ваше пребывание на курсах.

Татьяна Буслова,
магистр филологии,
переводчик

ПОРТФЕЛЬ «ЛГ»

Бравый солдат Швейк, старый сапёр Водичка и блогеры 11-й маршевой роты...

III. „Швейк-2017“

Юрий Лужков

РИА НОВОСТИ

Мрачный монах Мальтус, домостроевец-хлебопёк Стерлигов и собрат Гаргантюа денщик Балоун

Бравый солдат Швейк с дружками из 11-й маршевой роты по-прежнему там, на небесах, в чистилище замаливают грехи. Волей-неволей держат посты. Обходятся «Великопоповецким» безалкогольным.

Пригляд за ними нестрогий. «Права человека» простёрлись ныне и до небесных сфер. Интернет, ноутбуки, Wi-Fi, выход в блогосферу, вышло такое попущение, проникли и в уклад чистилища.

От скуки и праздности Швейк с дружками пристрастились к «мейнстриму». День-деньской азартно спорят о новостях мировой политики, «трендах» и веяниях, плутнях vip-персон на том, белом свете. И предаются воспоминаниям, в каких переделках довелось побывать в австрийских казармах, в походном строю и на бивуаках в галицийских местечках, когда полк гнали в самое пекло, на передовую, где шрапнель и вши... Театр военных действий. Так это величаво называлось в ура-патриотических листовках, которые шли на самокрутки.

«...Кадет Биглер!» – злобно распекал несчастного капитан Сагнер. – Ещё позавчера вы взвешивали у папаши коровью кожу... Вы с таким же правом можете называть себя офицером, как ефрейтор, который в трактире приказывает величать себя «господином старшим писарем!»

Лёгок на помине, важная птица старший полковой писарь Ванек вместе с неразлучными дружками стоит на довольствии в чистилище. За сто с лишним минувших лет Ванек духовно преобразился и продвинулся. На гражданке он тяготел к Партии умеренного прогресса в рамках законности, учреждённой в пражской пивной «Коровник» (читайте Я. Гашека!). А вот в потустороннем мире Ванек переместился на позиции крайнего, воинствующего либертарианства и монетаризма. В духе Августа фон Хайека. Почище Борового и Ахеджаковой...

От прежнего покладистого и простецкого Ванека мало что осталось. Старший писарь заделался блогером, посылает свои заметки и посты на сайт «Эхо Москвы». И досаждает дружкам, зачитывая свои писания вслух. То и дело ему достаётся на орехи от насмешника Швейка, начитанного телеграфиста Ходоунского, которые тоже за словом в карман не лезут. Обратить в свою веру ветеранов 11-й маршевой роты неофиту Ванеку не удаётся. И писарь, впав в грех гордыни, ощущает себя одиноким обитателем башни из слоновой кости...

Жандарм-ефрейтор – стихийный мальтузианец

– В старое время жил такой мрачноватый монах Мальтус, – перевёл разговор на другое Ходоунский, ходячая «Википедия». – Не какой-нибудь злыдень, а пастырь, озабоченный грядущими судьбами года людского. Мальтус первым додумался, что человечеству суждено жить впроголодь. Потому что народонаселение плодится слишком быстро, а земля, пашня когда-то не смогут прокормить такую ораву голодных ртов. Суровое это учение прозвали, не к ночи будь сказано, мальтузианством. Как только не поминали лихом Мальтуса! Весь учёный мир восстал против него. Уверяли публику, что поступь прогресса посрамила страшилки окаянного монаха. Хлебная торговля в мире процветала. Но всё это до поры до времени. К исходу XX века шило и вылезло из мешка. Мальтус оказался прав: население планеты возросло вдвое, а пахотной земли больше не стало. Демографический взрыв и голод в бедных странах ударили дуплетом, – закончил свой апокалиптический спич телеграфист Ходоунский.

– Мальтус как в воду глядел, – согласился Швейк.

А Балоун слушал, слушал и высказал своё, заветное:

– ...Мельничиха моя делала кнедлики из картофельного теста и прибавляла немного творогу, чтобы было сытнее. Она больше любила кнедлики, посыпанные маком, чем сыром, а я наоборот. За это я однажды надавал ей затрещин. А другой раз я её, бедную, поколотил и всё из-за того, что не хотела мне на ужин индюка зарезать, – хватит, мол, и петушка.

Балоун замолк, потревоженный угрызениями совести.

– Золотое времечко, невозвратное! – поддержал расчувствовавшегося Балоуна Ходоунский. – В наших краях, говорят, ныне простые люди за счастье считают, если перепадёт хотя бы куриная ножка за ужином... Мальтус, братцы, напророчил то время, когда и хлеб станет лакомством.

– «И глад, и мор», предсказано в Писании, – сокрушался набожный Балоун.

А Швейк невозмутимо, попыхивая трубкой, вставил своё слово:

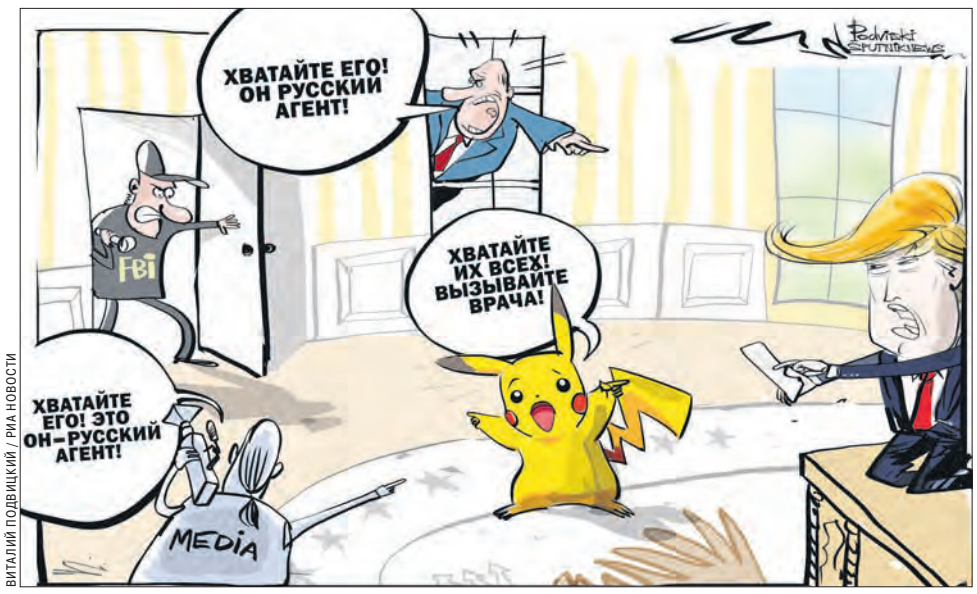
– ...И так на свете слишком много народу, – глубокомысленно изрёк ефрейтор, который конвоировал меня в окружное жандармское управление, находившееся в Писеке, – всем стало тесно. Людей развелось до чёрта!..

Казалось бы, нижний чин жандармерии, а гляди-ка, рассуждал, будто особа, приближённая к императору. По ходу он краем коснулся темы прогресса, а когда совсем распалился, развёл теорию о том, что война – великое благо для человечества, потом, что заодно с порядочными людьми перестреляют многих негодяев и мошенников.

– Слыхали мы ещё про одного такого полоумного ефрейтора по фамилии Шикльгрубер, – разгневался Юрайда.

А Швейк продолжил рассказывать про путешествия с жандармом по галицийским долинам и взгорьям. Разговоры про перенаселение они продолжили в трактире за бутылкой крепчайшей контушовки. А потом добавили по стаканчику-другому рябиновки.

– Каждый жандарм должен иметь при себе ручные кандалы, – втолковывал мне ефрейтор. – А по прибытии в



ВИТАЛИЙ ПОДВИЦКИЙ / РИА НОВОСТИ

Писек мы до того сдружились, что оба оказались под замком на гауптвахте.

– Этот ефрейтор, башковитый, родился не в своё время, – заметил Ходоунский. – Пришёлся бы ко двору в Пентагоне. Там сегодня таких пруд пруди. Или по окончании службы пристроился бы в «Фабрику мысли» на хлебную должность у неоконов, которые заварили крутую кашу в Ираке и прочих местах. По-ихнему это называется «гуманитарными бомбардировками», когда на одного убитого джихадиста приходится десяток-другой неповинных местных жителей. В Ираке при тиране Саддаме на нефтедолларовых харчах население почти удвоилось. Дело казалось поправимым, когда в Багдаде стал верховодить американский генерал-губернатор. Население резко пошло на убыль. А про ручные кандалы твой ефрейтор не зря обмолвился. Америка – мировой жандарм и кандалов у неё на всех непокорных аборигенов хватит, если они вздумают противиться встать на путь торжества демократии.

– Вот уж не думал, Йозеф, – укорил Швейка Ванек, сдерживая негодование, – что ты, тёртый калач, поведёшься на удочку кремлёвской пропаганды. Эти лазутчики от Лубянки в американском тылу раскрутили телеканал «Россия тудей». И морочат головы простакам-янки. Сызнова пустили в оборот коммунистические байки, напраслину про «американский империализм». Эти кремлёвские вещатели уютно уместились в медиапространстве США. Самых речистых демагогов из местных подрядили, чтобы те, как воровки на доверии, охмуряли соотечественников. Кремль задался целью пошатнуть веру среднего американца во всемирную миссию Америки нести факел свободы – от Гиндукуша до самой чёртовой дыры на Огненной Земле.

Швейк к упрёкам Ванека отнёсся снисходительно. И, как всегда, увёл разговор в сторону:

– Фельдкурат-Кац, у которого я служил денщиком, говаривал: «...я весьма терпимый, могу выслушать и чужое мнение. А, может быть, у вас другой взгляд на пекло, вы идёте в ногу со временем? Иначе говоря, признаёте, что в аду вместо простых паровых котлов для наказания грешников используется Паппеновы, то есть котлы высокого давления?.. А в раю симфонический оркестр играет Брамса?..» Разговор шёл на кухне за бутылкой коньяка. Собеседник, набожный богобоязненный коллега-фельдкурат, был в полном отчаянии. Кац его чуть до обморока не довёл своими святотатскими разглагольствованиями. «Дайте мне молитвенник! – под конец взмолился этот бедняга. Не в обиду будь сказано, Ванек, ты смахиваешь на этого бедолагу фельдкурата. Только молитвенник твой без креста, либеральный, от Клинтонихи, которая как есть шельма и ведьма.

– Не судите да не судимы будете! – с постным видом произнёс в укор Швейку Балоун. И вдруг осёкся, пробормотав, как бы на сторону: «Свят, свят!..» Балоун почуял за спиной мелькнувшую тень соглядатая – наставника чистилища.

Предыдущие главы литературного сериала опубликованы в «ЛГ», 2017, № 37, 38, 48, 49.

Зимний Никола

6 февраля в 18.30 в Большом зале ЦДЛ состоится литературно-художественный вечер, посвящённый 65-летию со дня рождения Николая Дмитриева.

Вечер откроет председатель Комиссии по творческому наследию поэта писатель **Юрий Поляков**. В программе примут участие близкие друзья и родственники поэта. Приглашены: писатель-краевед **Евгений Голоднов**, народный артист России **Валентин Клементьев**, артистка Московской филармонии **Лариса Савченко**, актёр Камерного театра Малыщицкого **Александр Эрлих**, лауреат Всероссийской премии им. А.В. Суворова **Надежда Колесникова**, заслуженный работник культуры РФ **Геннадий Каретников**.

Вход по бесплатным пригласительным билетам.

БИБЛИОСФЕРА

История болезни, или Дневник здоровья

Глава III

Трудно держать язык за зубами, особенно когда их нет

Дважды в советские времена мне доставались приглашения на закрытие Московского кинофестиваля. Для нас, простых москвичей, американский «Оскар», каннская «Пальмовая ветвь» и венецианские «Львы», все вместе взятые, меркли перед столичным синебиеннале. Меркли хотя бы потому, что весь киношный престиж существовал где-то там, далеко за железным занавесом, и дела нам до них никакого не было. Однако если кто-то из наших там, у них, получал по заслугам, то мы немедленно и надолго начинали изо всех сил гордиться нашими засланными к капиталистам творческими казачками. Мы самодовольно ухмылялись и снисходительно роняли на страницы газет и журналов:

– Ну, наконец-то остальной загнивающий мир понял, что не только «в области балета мы впереди планеты всей». До них дошло, что мы истинные гуманисты и даже иногда новаторы, как, например, не очень понятный Тарковский.

Сознание, что мы лучшие из лучших, не мешало нашему желанию на других посмотреть. Так как видеоэра в наших краях ещё не наступила, то продвинутая московская публика раз в два года сначала маялась по очередям за абонементами на праздник важнейшего для советских людей вида искусства, а потом рьяно смотрела все фильмы подряд, запасаясь впечатлениями и разговорами на последующие семьсот тридцать дней.

И вот однажды я оказалась в центре околофестивальных событий, погрузившись на три недели в работу информационной службы кинофорума со штаб-квартирой в ныне не существующей гостинице «Россия». Нас, студентов Иняза им. Мориса Тореза, привлекли в большом количестве на это международное мероприятие в качестве переводчиков для зарубежных гостей. Все мы придерживались правильной идеологической ориентации, были морально устойчивы и скромны в быту, а главное – владели разнообразными иностранными языками. Я несла службу на стратегически важном объекте в холле гостиницы, справа от входной двери. Над нашим оборонительным сооружением красовалась вывеска «Information», и мы тщательно скрывали от любопытствующих элементов места расположения заезжих кинозвёзд.

В тот год спокойного брежневского застоя на московском кинематографическом небосклоне сияли достойные звёзды скромной величины: Джина Лоллобриджида, Марина Влади, Тосиро Мифунэ, Беата Тышкевич, Даниэль Ольбрыхский и многие другие. Приглашённого и приехавшего сиятельного американца Ричарда Бартона так никто и не увидел. Его вынули из самолёта в Шереметьеве, загрузили в пентхаус гостиницы «Россия», откуда он так и не смог выйти в течение двух суток, после чего отбыл на родину. Если одного из многочисленных мужей Лизы Тейлор мне лицезреть не посчастливилось, то остальные знаменитости частенько мелькали в гостиничном холле. Наибольшее впечатление на меня произвела молоденькая жена возрастного и суперизвестного Тосиро Мифунэ. Она была чудо как хороша – прямо-таки ожившая статуэтка дорогого японского фарфора, грациозная и изящная. О кривизне её ножек, свойственной её расе, судить не берусь: они предусмотрительно прятались под элегантным кимоно.

В тот год я первый раз в жизни одномоментно увидела столько красивых женщин. Случилось это на банкете в Георгиевском зале Кремля по случаю закрытия нашего важного международного и культурного мероприятия. В те времена Министерство кинематографии ради престижа не скупилось на денежки. Столы ломились от яств, алкоголь лился рекой. Подозреваю, что далеко не все любили Советский Союз, но русское застолье с чёрной икрой, водкой и шампанским нравилось всем. После краткого прощального приветствия главной культурной дамы Страны Советов Екатерины Фурцевой банкет стал набирать обороты. Гул голосов нарастал, количество и градусы потребляемых напитков всё чаще провоцировали взрывы смеха, языковые барьеры рушились на глазах, а взаимопонимание росло. Весёлые, беззаботные улыбки красили женщин пуще искусного макияжа, блестящих драгоценностей и вечерних туалетов, от разнообразия которых захлёбывался мой неискушённый дух. Я глаз не могла отвести от высокомерной польской красавицы Беаты Тышкевич и от утончённой отечественной Анастасии Вертинской. Я и сегодня мысленно вижу пышущих соблазном актрис из Ливана, тогда ещё не тронутого войной. Вижу кинодив, сошедших с персидских средневековых миниатюр, – их прислал иранский шах, пока ещё не свергнутый исламистами. Не могу забыть обвешанных драгкаменьями индусок, завёрнутых в метры яркого разноцветного шёлка.

Тогда мне и в голову не могло прийти, что в мировом кинематографе грядёт смена актёрского имиджа. Суперэлегантная киноодежда пятидесятых и шестидесятых вместе с прекрасными Авами Гарднер, плотскими красивыми Лизами Тейлор, изысканными принцессами Одри Хепбёрн уходят навсегда. Им на смену торопятся повседневные «такие, как все», à la продавщица или маникюрша. Не будет больше красавцев, как Боб Тейлор, Грегори Пек или Жан Маре. Кончено! Баста! Придут малофактурные, более или менее накачанные, в лучшем случае смазливые мальчики. Прошу понять меня правильно: я имею в виду только внешность. А талант, к счастью, пока ещё не отменён. Его, как говорится, не пропьёшь, или уж очень сильно надо постараться. В общем, хорошее кино всегда было, есть и будет, несмотря на полную «засериальность» нашей жизни.

Прошли годы... Моё кратковременное знакомство с околофестивальной жизнью превратилось в симпатичное воспоминание, зато вырос список увиденных и оценённых киношедевров. А главное – я твёрдо усвоила, что, как в педагогике, где нет плохих учеников, а есть плохие учителя, так и в кино: нет плохих актёров, есть плохие режиссёры. А вывод из сего мудрого утверждения один: время надо тратить на звёздных фильммейкеров, таких как Феллини, Висконти, Бергман, Бунюэль, Трюффо, Тарковский, Иоселиани, Уайлдер, Шлёндорф, Менцель, Вайда...

В СССР началась перестройка, и в мире проснулся задремавший было интерес к нашей стране. Оживился и несколько застоявшийся в соцреализме Московский кинофестиваль. Через 25 лет после победы фильма «8 ½», по поводу которого шутили, что если «Семнадцать мгновений весны» разделить пополам, то всё равно шедевра Феллини не получится, в 1987 году итальянский маэстро привёз в столицу новую работу «Интервью». После «Амаркорда» Федерико в моём списке top ten (десять лучших) занимал верхнюю строку, и, конечно, мне ужасно хотелось посмотреть историю про студию «Чиничита». Узнав о моём желании, мой муж, подрабатывавший волшебником, немедленно достал пригласительный билет на два лица на церемонию закрытия фестиваля в концертном зале гостиницы «Россия» (бульдозерные амбиции столичного градоначальника тогда ещё не проснулись).

На дворе стоял месяц июль, и дачный сезон выгнал народ из Москвы. Наше семейство радовалось лету в посёлке Кратово. Всемирный потоп никогда бы не случился, если бы хляби небесные разверзлись в этом месте Казанской железной дороги. Какой бы силы и как бы долго ни шёл дождь, через четверть часа здесь не оставалось и намёка на природное водоизвержение. Вода уходила в песок, а многочисленные кратовские сосны ещё интенсивней начинали озонировать подмосковный воздух. В этих благоприятных условиях здоровый образ жизни распространялся как самый мощный вирус. Он отравлял сознание и заставлял делать невероятные вещи. Например, мы с моей питерской подругой Люсей, которая разделяла со мной не только жизненные невзгоды, но и некоторые скромные радости отпускного бытия, начинали по утрам бегать вокруг кратовского озера, после чего с повизгиванием окунались в его же мутноватые от илистого дна воды. Мы ловили ультрафиолет, загорая в огороде среди плохо взошедших на грядках овощей, и качали мускулы верхней части туловища, добывая из колодца воду для питья, мытья и полива. Мы охотились в местном продмаге за едой и катались без устали на велосипедах по окрестностям, навещая знакомых. Мы читали в тени зреющей антоновки «Детей Арбата» и слушали передачи Сергея Довлатова по более не заглушаемому «Голосу Америки». В непогоду мы отчаивались с вареньем на деревянной веранде, а по воскресеньям наводили в старом корыте угли для с трудом жующегося после термообработки шашлыка. И, безусловно, мы горячо и самозабвенно обсуждали судьбы Родины, не забывая про соблазнительные культурно-художественные сплетни «кто с кем» и «чем дело кончилось».

Получив заветный билетик на киношный праздник, мы с Люсей планировали покинуть дачный рай в воскресный полдень, до начала массового выходного исхода. Спокойно передвигаясь по безлюдной Москве, мы заедем переодеться и намарафетиться, после чего направим стопы на главное летнее столичное мероприятие. В предвкушении завтрашнего вечера мы наслаждались сегодняшним, попивая после позднего обеда ароматный чай с лейблом «Три слона» и радуясь покупке свежайших конфеток, завёрнутых в фантики с изображением счастливой и улыбающейся Бурёнки. Местный кратовский продмаг баловал дачников: постояв в очереди, они всегда могли купить чего-нибудь малополезного к чаю. «Воронежские» пряники, ванильные сухари, сушки с маком и тянущиеся «Коровки» почти всегда отличались свежестью: залёживаться на полках летом они не успевали.

В тот тёплый субботний вечер, надкусив третью сливочную помадку, я ощутила во рту вместо блаженства некоторый дискомфорт – мне чего-то не хватало. Оказалось – передних зубов, застрявших в кондитерском изделии фабрики города Раменское. Осознав случившееся, я впала в панику, переходящую в истерику. Как такое могло случиться?! Всего три недели назад врач-дантист Татьяна Петровна, рекомендованная Светланой Юрьевной Зайцевой, наградила меня прекрасным протезом, который позволял демонстрировать окружающим импортную пластмассовую улыбку. Уж как я радовалась!.. Не могу сказать, что, заменив слегка искривлённые от природы зубы на ровные, я сразу скинула несколько лет. Это было бы преувеличением, потому что была я и так ещё очень молода. Но похорошеть похорошела, ибо прибавилось уверенности за счёт неотразимости улыбающегося жемчуга искусственных зубов.

Тоскливо рассматривая освобождённый из сладкого плена фасадный мост, я громко причитала:

– Ну, почему сегодня? Почему в субботу вечером, когда всё закрыто, когда никого не найти, когда все врачи, как и

Береги зубы смолоду и каждый день

Продолжение. Начало в № 45–46, 48–50 за 2017 г.

Кадр из фильма Федерико Феллини «Интервью», 1987

я, на даче? Никто, никто не может мне помочь!

От утешений и сочувствия окружающих становилось ещё хуже. Немереная жалость к себе накатывала, как волна на берег, доходила до глаз, и слёзы самовольно текли по лицу. Наконец, свекровь высказала разумную мысль: надо ехать в Москву и искать дежурного дантиста. Я решила воспользоваться советом, уложила зубки в спичечный коробок, и мы с Люсей помчались на станцию ловить ближайшую электричку.

Горестно глядя в усталое от долгого использования окно вагона, я прекрасно понимала, что до понедельника устранить последствия катастрофы мне не удастся. Однако сидеть на месте и мучиться от безвыходности ситуации казалось ещё хуже. Я говорила себе: «Конечно, обидно не попасть туда, куда очень хотелось пойти, особенно когда и возможность была. С другой стороны, если я завтра не увижу очередной шедевр Феллини, может, потом, когда-нибудь, ещё представится случай...» И вдруг перед глазами мелькнула странная картинка. Я уже не сижу под раскидистым кратовским деревом за чашкой чая с «Коровками», а нахожусь совсем в другом месте. И это даже не совсем я, а кто-то на меня похожий, в нарядном платье и лаковых лодочках на высоком каблуке, о которых я давно мечтала. Рядом с этим кем-то возникает высокая мужская фигура с лицом Грегори Пека и обнимает моего двойника. Между ними случается страстный поцелуй, во время которого зубы партнёрши покидают шаткий насест и оказываются в ротовой полости американской кинозвезды. А если суперстар их случайно проглотит и подавится? То-то веселье и забава! Столь радостная перспектива с неожиданным финалом любовного свидания заставила меня сначала улыбнуться, а потом и засмеяться. Подруга Люся облегчённо вздохнула и с интересом выслушала возможный вариант развития событий, о котором я на всякий случай умолчала в беседе с мужем. Он настаивал на моём воскресном выходе в свет, уверяя, что иногда можно и помолчать, особенно во время просмотра фильма. Я обещала подумать, решив, что утро вечера мудренее. Так и случилось.

На московском семейном совете за завтраком постановили международное мероприятие посетить. Без слов и широких улыбок надо скромно занять указанные в билете места, расслабиться и получить удовольствие от происходящего. Перед выходом из дома я провела некоторое время у зеркала, изображая чревовещательницу и произнося слова, не разжимая губ. Получилось невнятное мычание, смысл которого был понятен только мне.

Согласно разработанному плану мы с Люсей прибыли в «Россию» заранее. Без всякой очереди воспользовались туалетной комнатой, нарядно отразились в зеркалах и, как только открылись двери, первыми вошли в киноконцертный зал. Заняв положенные нам в партере места, мы стали ждать. Постепенно зал заполнялся нарядной публикой. Рядом со мной расположился молодой человек за тридцать, в котором безошибочно угадывался иностранец. Прошло минут пятнадцать, народу становилось всё больше. Вновь прибывшие, вместо того чтобы сесть, начинали переговариваться на повышенных тонах. Ещё через четверть часа со всех сторон слышались громкие возмущённые возгласы. В «России» царила неразбериха, казалось, ещё чуть-чуть, и культурное мероприятие перерастёт в массовое безобразие с применением грубой физической силы.

Только когда прямо перед нами разыгрался соблазнительный скандал, мы поняли, почему начало торжеств задерживалось уже на полчаса. Корпулентная, почти молодая дама в парадных одеждах, по-летнему не скрывающих некоторые части тела, тыкала билетами в лицо симпатичного иностранного гостя, требуя освободить незаконно оккупированное им кресло. В ответ интурист предъявил даме удостоверение со всесильным словом «Press», которое закрепляло за ним право во время фестиваля размещаться в партерном пространстве. Игнорируя призывы быть мужчиной и джентльменом, он наотрез отказался подчиниться московской любительнице кино. Если вы подумали, что дама признала своё поражение, то вы ошиблись. Она испустила боевой клич: «Ах, так? Ну, держись!» И уселась на колени к несговорчивому иностранцу. Нет таких крепостей, которые не взяла бы русская женщина!

От увиденного у моего соседа непроизвольно отвисла челюсть, выпучились глаза, и он потрясённо выдохнул: «Oh my God!» Я тоже было открыла рот, но, вовремя спохватившись, прикрыла его. Всё же я имела неосторожность взглянуть на впечатлительного молодого человека, что позволило ему заговорить со мной по-английски:

– What is going on? (Что происходит?)

Не ответить я не могла, ибо, во-первых, считала себя воспитанным человеком, а во-вторых, хотелось подправить пошатнувшийся имидж московского гостеприимства. Натянув губу на металлические штырьки, торчащие из верхней десны, отчего нижняя челюсть отъехала назад, я, пришепётывая и причмокивая, внесла некоторую ясность в партерные события. Мол, администрация кинотеатра продала билеты москвичам на церемонию закрытия, не поставив в известность фестивальные службы, которые, в свою очередь, не предупредили тех, кто по аккредитации имел право находиться в партере. И вот теперь ни о чём таком не подозревающие люди оказались соперниками и пытаются отстоять свои права. В то же время работники культурного объекта и организаторы культурного мероприятия пытаются ликвидировать последствия чьих-то неразумных действий. Как ни странно, сосед меня понял и развеселился. Представившись корреспондентом какого-то ирландского издания, он заметил, что происходящее могло бы стать началом комедийного фильма, а дама, усевшаяся на незнакомые колени, его героиней. С моей точки зрения, владелец колен больше подходил на главную роль. Он мог бы поведать мировому сообществу о грядущей эре социализма с человеческим лицом. Эх, тогда и представить было невозможно, что эта эра, не успев начаться, тут же и закончится.

Пока усмирялись бушующие зрительские страсти, я упражнялась в развитии навыков разговорной речи с носителем английского языка. Оказалось, что мы оба были почитателями таланта Федерико Феллини и с нетерпением ждали встречи с его новым фильмом. Обсуждая влияние великого итальянца на кинематограф в целом, я время от времени подносила левую руку ко рту, чтобы скрыть невольную улыбку и приглушить неожиданный смешок.

Наконец началось то, ради чего мы, собственно говоря, и пришли. На сцену выходили ударники мирового кинопроцесса, получали награды, говорили вежливые благодарственные словеса о том, как они взволнованы и как они счастливы. В какой-то момент на сцене появилась Анастасия Кински в чёрных лаковых лодочках на высоком каблуке. Именно о таких я давно мечтала, они мне даже однажды приснились. Я поняла, что страстные желания могут материализоваться, но не всегда так, как тебе хотелось бы. Да, это были те самые туфли, но почему они перепутали хозяйские ноги?.. Обувное недоразумение меня несколько расстроило, однако «Интервью» не подвело, ожиданий не обмануло. Мы обменялись с ирландским журналистом свеженькими впечатлениями. Конечно, это не «8 с половиной» и не «Амаркорд», но какое мастерство! Как он умеет плести кинокружево из воспоминаний, реальности и вымысла! А как хороши актёры!.. И т.д. В общем, мы спели оду на два голоса: «Славься, славься, Федерико Феллини!» После чего я получила неожиданное приглашение посетить ночной бар для прессы, где можно продолжить обмен мнениями, разбавив концентрацию умных мыслей алкогольными напитками. Эх, если бы не зубы, возможно, и не пришлось бы вежливо отказываться от глотка фестивальной «dolce vita».

Сославшись на поздний ужин с друзьями, мы с Люсей стали прощаться. Журналист грустно вздохнул, остановив взгляд на роскошном бюсте моей подруги. Его можно было понять: одно дело – только что увиденная экранная грудь раздобревшей Аниты Экберг из «Сладкой жизни», и совсем другое, когда рядом с тобой, на расстоянии вытянутой руки находится будоражащее чудо природы из Петербурга. Я готова была оставить Люсю на пороге Приключения, но возникло препятствие посерьёзней, чем отсутствие зубов, – тотальное забвение английского языка. А ведь он осваивался моей подругой и в школе, и на театроведческом факультете и сдавался кандидатским минимумом. Однако за невостребованностью он ушёл. Как уходит вода в песок...

Неиспользованный шанс провести вечер в другой реальности послужил поводом для моего назидательного монолога во время возвращения домой. Под прикрытием вечерних сумерек, шепелявя и брызгая слюной, я самодовольно поучала свою лучшую подругу:

– Вот, видишь, даже зубная авария не смогла помешать установлению контакта с представителем зарубежной интеллигенции. Я подготовила для тебя почву, бросила в неё семена, и ужо пошли всходы. Тебе оставалось прополоть, полить и урожай собрать. Как ты могла всё забыть?! Ты же полжизни учила английский!

В этом месте приверженность к справедливости пересилила и прервала моё выступление, напомнив, что и сама я не идеальна, потому как мой собственный английский далёк от совершенства. Я изменила риторику и продолжила:

– Ты должна что-нибудь помнить, тебе легко будет восстановить забытое. Я тебе помогу, поделюсь своей собственной методой. Главное – на́чать, как говорит наш новый кормчий Горбачёв.

Не знаю, что больше подействовало на подругу – эпизод ли в концертном зале, моя ли пламенная речь или горбачёвское «на́чать», – но, вернувшись в Питер, она поступила на вечерние курсы при Университете Герцена и через три года получила диплом об их окончании.

– А теперь практика, практика и только практика, – продолжала я разглагольствовать.

К чтению романов Агаты Кристи в оригинале и просмотру недублированных фильмов производства США – Англия Люся добавила интенсивную переписку с носителем языка. Обмен посланиями сначала перерос в телефонные разговоры, а потом и в личные контакты на подвластной королеве Елизавете II территории.

Носитель языка оказался крутым байкером. Он жил в небольшом аккуратном городке, служил инженером на фабрике, имел ипотечную жилплощадь и любимого железного коня. Моя подруга окунулась в неведомую ей доселе жизнь. Она познакомилась с ближайшими друзьями и родственниками байкера, а также с ближайшими супермаркетом и пабом, где по пятницам всё население микрорайона после окончания трудовой недели наслаждалось крафтовым пивом. На какое-то время бурная петербургская жизнь поблекла перед уравновешенным провинциальным существованием английской глубинки. Прильнув к кожаной спине друга-байкера, подруга рассекала ухоженные островные пространства, любуясь прелестными пейзажами и живописными деревушками. В какой-то момент не шибко крутые холмы Британии почти укатали нашу российскую Сивку-Бурку, и Люся стала подумывать о смене места жительства...

Затаив дыхание, я наблюдала за развитием лингвистического эксперимента, спровоцированного потерей зубов. Дело дошло до того, что к диплому об окончании курсов английского языка моя петербурженка добавила права на вождение транспортных средств, будь то легковой автомобиль или мотоцикл. Однако новая история «Как стать английской байкершей» не стала бестселлером, и проект «Дом-2 в Туманном Альбионе» решили закрыть. Тем не менее Люсины лингвистические приключения превратились в весёлые страноведческие воспоминания. В настоящее время моя подруга с удовольствием разъезжает по всей Европе, вовсю пользуясь международным языком общения. Что касается меня, то за прошедшие годы я уже трижды меняла зубы и собираюсь сделать это в четвёртый раз.

ФОТОШИП

Глава компаний Tesla и SpaceX Илон Маск объявил о старте продаж портативных огнемётов, с помощью которых американцы смогут защититься от нашествия зомби, если таковое случится.

У Америки не хил
Список недругов на свете:
Ким Чен Ын, Иран, ИГИЛ* –
А ещё и зомби эти!..

Аристарх Зоилов-II

*Запрещённая в РФ организация.

ШИБКО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА

Чай с мёдом

Позвала как-то мама Красную Шапочку и говорит:

– Дочка, я десять лет скрывала от тебя правду – наша бабушка приболела. Отнеси ей пирожки и вино. В её возрасте пирожки и вино – самое то. Хватай корзинку и дуй быстрее, испорть гепарду настроение.

И вот идёт Красная Шапочка по лесу, пытается петь песенку. Голос у неё худой, слуха нет, слова перепутывает, но поёт громко. Цветы на её пути вянут, ягоды сохнут, земля становится неплодородной. Шла она, шла, и по длинной дорожке шла, и по короткой шла, но так волка и не встретила.

– Обмельчал лес-то как, – думает, – ни рыбы, ни волка. Так скоро и мы, Красные Шапочки, исчезнем. Всё из-за этих выбросов.

Приходит к бабушке, а та её сразу узнала.

– Здравствуй, – говорит. – Пенсию принесла? Что-то я тебя раньше не видела.

– Я – внучка, – отвечает Красная Шапочка.

– А что бабушка? Заболела?

– Да.

– Молодец. Помогаешь ей. А ко мне внучка совсем не ходит. Ну, давай, получу пенсию.

Красная Шапочка протягивает ей корзинку. Бабушка заглядывает.

– Вино, пирожки. Идёшь на вечеринку? А где пенсия? Ладно, в следующий раз две приноси. Или три. В общем, сколько унесёшь. Чаю попьём?

И вот сидят они вдвоём за столом, пьют чай.

– Как-то скучно, – говорит бабушка, – никто ничего не ест.

– Волка нет, – отвечает Красная Шапочка, – он бы съел.

Открывает она сахарницу, чтобы взять кусочек сахара, а из сахарницы на неё смотрит Серый Волк.

– Здравствуй, Красная Шапочка. Куда идёшь?

– Уже пришла. А ты почему в сахарнице? Ты же не ешь сахар.

– Надоело из леса выходить. Теперь буду всегда внезапно появляться. Сегодня вот из сахарницы. Кстати, а где твоя бабушка?

– В солонке, – ответила за Красную Шапочку бабушка и закрыла сахарницу крышкой. – Всё, с этого дня я на диете.

– Я тоже, – сказала Красная Шапочка и выбросила сахарницу в окно.

– Смотрите, птица летит! – закричали охотники.

И как бабахнут по сахарнице из всех стволов. Потом стали рассматривать то, что приземлилось.

– Странная какая птица, – сказал первый охотник, – сахара она, что ли, объелась?

– И хвост у неё волчий, – удивился второй, – и вместо крыльев лапы.

– Видите, как вредно много сахара есть, – сказал третий, – пора переходить на здоровое питание.

И они пошли к бабушке и Красной Шапочке пить чай с мёдом.

Виталий Будённый,
Воронеж

ГОРЯЧАЯ ДЕСЯТКА АНЕКДОТОВ МЕСЯЦА

В 2018 году воспитанная дама никогда не скажет про мужчину: «Вот кобель!» Она скажет: «Символ года!»

– Они вон чё – им ничё, а мы ничё – а нам вон чё!

– Господин министр спорта, у вас есть ещё что сказать по поводу отстранения нашей сборной от Олимпийских игр?

В тюрьме:
– За что сидишь?
– За взятку.
– Хм... А бесплатно не пробовал?

Поцеловал Иван-царевич лягушку. А она обернулась красной девицей и обвинила Ивана в жестоком обращении с животными и сексуальных домогательствах.

– Мне кто попало не нужен. Я хочу такого, чтоб его не тело моё интересовало, а душа!

– Дьявола, что ли?

– Говорят, лжеврача разоблачили.

– Как?

– По разборчивому почерку.

– Хочу в Новгород съездить.

– В какой?

– В этот... Там ещё кремль из красного кирпича.

– В обоих из красного.

– Ну, до него ещё 400 км с гаком.

– До обоих 400.

– Ой, да ну тебя на фиг! Поеду лучше в Ростов!

– В какой?..

– Дайте мне, пожалуйста, 5 шаурм... Нет, пожалуй, 5 шаурмей... Блин!.. Короче, дайте мне 3 шаурмы и ещё 2 шаурмы!

– По-английски я говорю свободно. Жаль только, меня никто не понимает.

– Ребе, а я ведь не верю в бога.

– Ну и что! Я тоже не верю в того бога, в которого вы не верите.

по версии «Клуба ДС»

ЧУДАКИ

Валерий Тарасенко

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ АФОРИЗМОВ

ЗавКЛАФом Николай КАЗАКОВ / kazakov-aforizm@mail.ru

ДАВАЙТЕ ОПРЕДЕЛИМСЯ!..

- Хорошо, когда есть порох в пороховницах, плохо – когда запала нет...
  Татьяна Айвазова

- Брачное свидетельство – официальное разрешение вымещать на ближнем свою любовь.
  Юрий Базылев, Запорожье, Украина

- Блондинка – это конфликт формы и содержания.
  Пётр Капулянский, Беер-Шева, Израиль

- Жадность – это когда течёт бачок, а сердце обливается кровью.
  Владимир Кафанов

- Беспорядочные связи – это просто незапланированная любовь.
  Тамара Клейман

- Человек – не купюра: его достоинство сразу не определишь.
  Вита Логвиненко, Ростов-на-Дону

- Врачебная ошибка – это когда больной поправился быстрей, чем расплатился.
  Михаил Мамчич, Волгоград

- Тупик – это когда впереди ничего не светит.
  Александр Минченков

- Эмансипировать женщину – значит бросить её на произвол судьбы.
  Александр Петрович-Сыров

- «Искусство принадлежит народу...». Это как-то узаконено?
  Сергей Пугачёв, СПб

- Болтливость – процесс выноса мусора из головы.
  Елена Сиренка

- Опыт – это то, что могло бы здорово нам пригодиться в прошлом.
  Андрей Соколов, СПб

- Здоровье – пауза между диагнозами.
  Василий Чугуев, Курск

- Шахматистки – идеальные женщины: они могут молчать, хорошо следят за фигурами и знают много интересных позиций.
  Ашот Наданян, Ереван

- Карьера – унижения ради повышения.
  Николай Шилохвостов, Анапа

12 x 2

Антиязыческое
Эй, что вы тут расселись,
Перун, Сварог и Велес!..

◆

И то сказать, все люди разные:
вот вы – здоровые, а мы – заразные.

◆

Он взял и вырвал в знак протеста
себя из нашего контекста.
Вадим Забабашкин,
Владимир

Бережёного бог бережёт
Корейского туриста увидав,
Забился в конуру наш волкодав.
Аркадий Вакуленко,
Симферополь

◆

Родной АВОСЬ – как русская рулетка:
Стреляем метко, попадаем – редко.

◆

У нас в России так заведено,
Что лучшая опора – это дно.
Станислав Горохов

Военные действия при демократии
Боевой приказ о наступлении
Принят был войсками в первом чтении.

Весомое мнение
Мнение поддержано овацией,
Танками, пехотой, авиацией.
Юрий Базылев, Киев

◆

Не верю я в кредиты, ссуды, банки;
Храню валюту в трёхлитровой банке.

◆

Мужчины, избегайте женщин с детства –
Нет противозачаточнее средства!

◆

И рыбу заверну я, и котлету,
Но – не в «Литературную газету»!

◆

Стих предыдущий без подхалимажа
Я написал. Не сомневайтесь даже!
Сергей Миронов,
Мариуполь (Украина)

Бестолковый словарь

Аргамак – гамак площадью 100 кв. м.
Артист – сотрудник канала «Russia Today» (RT).
Барыш – хозяин бара.
Болван (англ.) – мяч номер один.
Борец – небольшой сосновый лес.
Ельцинизм – циничное отношение к новогоднему дереву.
Лентяй – сотрудник новостного сайта Lenta.ru.
Лукавый – Чиполлино.
Молокосос – помпа на молокозаводе.
Наперсник – прикид уроженца Ирана.
Насос – помощь, спешащая на сигнал бедствия.
Новобранец – гражданин, ругающийся на новоязе.
Партер (школьн.) – сосед по парте.
Плотник – антипод духовника.
Скорлупа – быстродействующее увеличительное стекло.
Сосуд – параллельное судилище.
Фанаберия – клуб поклонников Лаврентия Павловича.

Дмитрий Тинин,
пос. Удельная (Московская область)